

ВЕРЕЗЕМСКАЯ
ЧУБЕРЯ

СОЮЗ

НЕРУШИМЫЙ

ЖИВЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алина Чуева
София Вереземская
Союз нерушимый: Живь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71571670

SelfPub; 2025

Аннотация

В тени привычного мира скрывается другой – где магия прячется за обыденностью, а волшебники живут среди простых людей. Добро пожаловать в Союз магического народа республик – государство, раскинувшееся по всему постсоветскому пространству.

Шесть лет, проведенные в Союзе, Елена мечтала о силе, способной изменить ее жизнь. Затерявшаяся между двумя мирами – магическим и немагическим – она делает отчаянный выбор в попытке обрести магию и случайно заключает сделку со Смертью. Благие намерения оборачиваются разрушительными последствиями, где каждое следующее решение лишь приближает неизбежную катастрофу.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	61
Конец ознакомительного фрагмента.	94

София Вerezемская, Алина Чуева Союз нерушимый: Живь

Пролог

От энтузиазма прокурор подплеывался.

– Не раз был уличен в самовольной трактовке приказов. Был повышен до должности второго уровня секретности. Без подачи официального заявления, в обход необходимых процедур самоустранился, то есть, дезертировал из службы магической разведки. Обладает данными, которые могут быть использованы во вред Союзу. Сторона обвинения просит суд избрать в виде меры наказания подсудимому Павлу Васильевичу Лагожину смертную казнь.

Тишина началась с хлопка изрядно поправившейся папки – ее так откормили за последнюю неделю. До этого в ней несколько лет лежали худосочные страницы биографии и подсчеты удачных миссий. Напротив проваленных командировок стоял незаметный на фоне свежих преступлений ноль.

На взгляд судьи адвокат ответил воровато поджатыми губами. Скамья подсудимых была пуста.

Чаши весов правосудия замерли за спиной Ольги еще до

того, как она подхватила со своего места. Ситуация была совершенно возмутительная. Коридоры Медной горы наполнились негодованием верховной судьи, перед ней расступались, особенно когда стало ясно, чью дверь она грозит сорвать с петель.

– Ба, Ольга Феликсовна! – Меншиков вскинул руки в приторном удивлении. Конечно же, он ждал ее визита. – Дверку за собой прикройте.

– Извольте объясниться, Константин Григорьевич.

Он усмехнулся ее интонации. Меншиков не вставал, зная, что Ольга будет возвышаться над ним в любом случае.

– А весь зал суда в мой кабинет прибежит? – Он устало глянул на застывшего в проеме разведчика. – Да заходи ты, Тихомиров, что встал.

Свидетель обвинения подпер собой несущую стену и сложил на груди руки – открестился от своего участия.

– Где он?

– Кто?

– Подсудимый.

– А, Лагожин. – Меншиков лениво почесал под бровью. – В отпуске. Не сказал мне, куда поехал, чтоб я не завидовал.

– Прекратите паясничать.

– Не забывайте, с кем разговариваете. – Константин Григорьевич кивнул то ли на эмблему разведки, то ли на фамильный герб.

– Не посягайте на неприкосновенность судьи.

– Тихомиров, я посягал?

– Нет, Константин Григорьевич.

– Вот видишь, Оль. Садись.

Видавший виды пуфик все это время боязливо подбирался к ее ногам. Проигнорировав предложение, Бржезинская оперлась руками о стол светлейшего князя.

– Я не могу приговорить к смерти пустой стул, это нарушение судопроизводства. Мы говорим о жизни волшебника.

– Да ты думаешь, мне больно хочется разведчиками разбрасываться? Особенно такими. Вон, Илья у него командиром был, ты характеристики читала. Лучший за много лет набора. Ему все вольности прощались.

– А теперь ты хочешь, чтоб я заочно положила его голову к тебе на тарелку.

– Коровьев тоже был лучшим. Его головы я не дождался, но будем считать, что она растворилась в пространстве.

– Причем тут Коровьев?

– Мальчишка ему нравился. Фагот хотел его к себе забрать, но не успел, предательство родины стояло в расписании раньше. – Меншиков манерничал как на чаепитии. – Я все равно Лагожина на регионы поставил, решил Коровьева посмертно уважить, а он взял и ушел по-английски.

– Если у тебя есть доказательства пособничества Коровьеву, их надо было приложить к делу. – Меншиков не поменялся в лице: для него все аргументы были неубедительны. Ольга теряла терпение. – Я есть честный суд Союза магиче-

ского народа республик и не собираюсь убивать человека по твоей прихоти. Я не буду выносить приговор без Лагожина.

Меншиков вздохнул и поднял на судью потемневший взгляд.

– Бог с тобой, Фемида во плоти. Будь все по моей прихоти, я бы уже вешал ему орден Екатерины Великой. Лагожин – неблагодарная сволочь, предатель, трус и *дезертир*. Ему даже обоссанный угол на Франца-Иосифа не полагается. Илья его разглядел, Коровьев его разглядел, думаешь, не разглядят и другие? Вот куда он подался? В Китай? В Халифат? Да он тобой за мгновение может обернуться и отменить любой приговор. Как думаешь, с какими почестями примут наши враги такого союзного разведчика?

Ольга отстранилась и села. Откинуться было не на что, пуфику спинка не полагалась. Пришлось сильнее расправить плечи: скрещивая мечи, уступить было не положено.

– Так найдите его. Найдите и посадите мне на скамью подсудимых. Или, – она усмехнулась, – хочешь сказать, что его найти сложнее, чем Коровьева? Сомневаюсь.

– А не стоит.

– Отправьте за ним того, кто нашел вам прошлого дезертира.

– Отава в Туркменистане, – ответил за начальника Тихомиров, – ее с миссии не выдернут.

Меншиков развел руками, Ольга жест не оценила. Он наконец прекратил ломать перед ней комедию:

– Оль, ты представляешь, что значит найти метаморфа? – Она молчала. – Ты даже если его найдешь, то хер поймаешь, у него понятие о жалости чисто словарное, он любого убьет, кто его попытается притащить к тебе в суд, голыми руками причем. Сколькими я должен, по-твоему, пожертвовать? Что, Тихомир его ловить должен? Илюш, поймаешь Ольге Феликсовне Пашу? – Судья перевела взгляд на разведчика, тот не выглядел особо воодушевленным. – Я не могу гарантировать президенту, что из-за Лагожина мы ненароком не встанем на порог еще одной войны. Но если вдруг ты можешь, оправдай его, – махнул рукой Меншиков.

Петли на двери главы магической разведки оказались достаточно крепкими, хотя эхо их скрипа замолкло только на подходе к залу суда. Привычной свободы выбора будто бы не осталось, вместо этого балом правил Константин Григорьевич Меншиков.

Черная масса воды обрушилась на чашу весов. Верховная судья объявила свое окончательное решение:

– Подсудимого Лагожина суд признает виновным и приговаривает к смертной казни.

Глава 1

*De chacun selon ses facultés,
à chacun selon ses besoins*

На майских, в восьмидесятом, Леночка с родителями впервые побывала у Камаевых в гостях. Была у них и люстра с хрустальными висюльками, и новенький видеомагнитофон «Хитачи», и заставленная Дюма, отцом и сыном, стенка. Чай они пили из гэдээровского сервиза, ели шоколадные конфеты и торт «Рыжик» с кремом на сливочном масле. Леночка это сразу распробовала, за щечкой не чесалось.

Камаевы в Рязань переехали из Татарской АССР. Мама у Ренаты пахла «мэйд ин франс» и работала в районной администрации. Папа, вроде как, был большим ученым и на людях появлялся редко. Ни с кем из соседей Камаевы не общались, а их позвали только потому, что Леночка у Ренаты была единственной подругой. Рано или поздно леночкина мать бы сама к ним напросилась. Просто из любопытства, узнать, сколько комнат нынче выделяют академикам.

Четыре. Пять, если с кладовкой, в которой Леночка согласна была поселиться, пока не доест дефицитные банки варенки.

В кабинет отца ход открывался, когда чашки меняли на пузатые рюмки с тонкими ножками. Доживали там свой срок

книжки с поломанными позвоночниками и престарелые пергаменты, полные следов куриных лапок и острых колышков. Невозможно было даже представить, сколько макулатурных талонов было угрохано в это богатство. Рената выбирала самые симпатичные страницы, хитро улыбалась круглыми глазками. Леночка тогда натягивала панамку из шитья подальше на макушку и шептала про себя даждь нам днесь, как мать научила. В следующую секунду лапки брались с колышками за руки и начинали плясать.

Они пускались выписывать восьмерки сначала по ладошке, потом по полу, плясали и на потолке, и на висюльках люстры. Они добрались бы и до Дюма, отца и сына, если бы мать не начала кричать Леночку домой. Тогда лапки с колышками укладывались обратно на пергамент, как придется, заплетаясь в ногах, падали друг на друга. Отец потом порол Ренату – перевод с аккадского обошелся ему в полдиоптрия. Рената рассказывала, что у папы лапки с колышками не пляшут, у него они с маршем встают по своим местам и рассчитываются на первый-второй.

Леночке бы на это глянуть хоть одним глазком, но вот в чем дело – не положено. Ни ей, ни кому бы то ни было не положено было знать, что Камаевы – волшебники.

Товарищи-маги.

Зачем нужно было это скрывать, Леночка так и не поняла, но тайну эту охраняла очень ревностно. Узнай мать, что у Камаевой-матери, помимо ящика с импортными колготка-

ми, есть еще и магия, на месте б умерла от зависти. Залогом ее здоровья был Брестский чулочный комбинат.

Стоило начаться школе, Ренату определили в какое-то далекое и приличное училище. Леночка осталась в Рязани. На этом из ее жизни пропали и дружба, и магия. Осталась только наука.

На биофак в МГУ дедушка ее привел в седьмом классе через парадную. В его годы солиднее было рядом со своей фамилией иметь профессорскую приписку. Он был просто «доц.» – доц. М.А. Уклеikin. Докторскую в свое время дедушка так и не защитил, потому что терпеть не мог большевистскую бюрократию, но слава богу, разглядел академика в Леночке. Как только на горизонте замаячила возможность житья в четырех комнатах с кладовкой сгущенки, Леночке это очень понравилось. Воняло в корпусе папиросами и дохлыми курами, но доц. М.А. Улейкин знал, что стенка анатомических препаратов умеет влюблять в себя пытливые умы. На весенних каникулах того же класса с Леночкой случился Ленинград, а вот любви с ним – нет. Зато Кунсткамера расхристалась во все сердце. Там и обвенчались.

В Москву мать Лену не отпустила, пришлось остаться в Рязани. Замуж за кафедру анатомии провожала ее неохотно, этот брак она не одобряла. После свадьбы из Леночки пришлось сделаться Еленой, а потом и Еленой Александровной. Затянулась семейная жизнь на без малого восемь лет, в аспирантуре отпраздновали жестяную свадьбу, да и накрылось

все медным тазом. Случился громкий развод.

На второй брак мать благословляла куда охотнее. Алексей был союзным прокурором. Елена не сразу выяснила, что Союз – не советский, а магического народа республик. К тому моменту привычнее было думать, что они с Ренатой были большими фантазерками. Верилось в это легко: о Камаевых в их доме не вспоминали, будто и не было их никогда. Не находила Елена их и в телефонной книге, да и в районной администрации мать Ренаты, как оказалось, не работала. Спросить было не у кого, и тут вот оно. Волшебный мир сам за ней явился и решил прибрать к рукам, раз уж она и без того о них знала.

В этом мире, расплзшемся в границах СНГ, было все: свои министерства, свой президент, своя армия, свои школы. Возможно даже свои города, целиком населенные волшебниками, но в этом Елена не была уверена наверняка. Из Рязани ей пришлось переехать в Свердловскую область, под Екатеринбург – столицу Союза магического народа республик. Таким гражданством она теперь могла похвастаться.

Могла она теперь похвастаться и большим домом с отдельной библиотекой, мозаичным паркетом, пушистыми азербайджанскими коврами, тяжелыми бархатными шторами на каждом окне и дубовыми панелями, как на заветном биофаке в Москве. Могла похвастаться двойной фамилией через дефис и родовым медвежьим гербом, смышленным сыном и тем, что после родов не расплнела, только именной

табличкой на двери кабинета похвастаться не могла. И даже приписки «доц.» у нее не случилось.

Наука пала жертвой любви. Кандидатская так и не написана, все отсрочки были просрочены, а вместо кладовой со сгущенкой у нее теперь была кухня, что готовила сама по наказу падчерицы Веры. Только Елена все равно предпочитала кукурузные палочки зеленой фасоли, особенно когда работала.

Онтогенез повторяет филогенез. Это ей вдолбил в голову еще дедушка, и с этой истины Елена начала свое исследование магии. Благо, что под рукой было сразу двое подопытных.

Тихону – пять, его магии два года. Оба родителя волшебники, воспитывается матерью и дедом в магической среде, с отцом не общается. Его домагическое развитие ничем не сдерживалось, поэтому магия после проявления быстро стабилизировалась.

Мише – три, магии пока нет. Мать неволшебница, отец маг, для него это поздний ребенок. Также воспитывается в магической среде; мать понятия не имеет, как стимулировать его домагическое развитие, и надеется, что оно произойдет без ее участия.

Большой интерес для исследования представлял старший мальчик. Его магия прошла путь от неконтролируемых вспышек до произвольного орудия забав. Примерно так же развивалась речь, но ее эволюцию можно было отследить по

физическому изменению речевого аппарата. Развитие магии изменениями тела не сопровождалось.

В возрасте трех лет оба ребенка прошли полное антропометрическое исследование: Елена измерила их рост, вес, окружность головы и грудной клетки, жизненную емкость легких и мышечную силу. Различия были минимальными – Тихон был длиннее. Но магия у него была. У Миши в те же три года не наблюдались даже вспышки.

Задней мыслью Елена грешила на себя. Разбавила гены. Но у нее не было достаточно данных для того, чтобы делать такие выводы. Если быть до конца честной, у нее вообще не было права делать какие-либо выводы. От ненаучности рассуждений ее первый научный руководитель наверняка вращался в гробу, как турбина, и мог осветить собой всю Язаны. Сколько бы она ни просила Алексея ввести ее в научный круг, он только виновато пожимал плечами и отвечал, что союзные ученые таким не занимаются.

Вот в Пермском исследовательском институте магических инноваций занимались энергетикой – как Елена успела понять, магам не нравилось зависеть от добычи угля и нефти. А в Екатерининском НИМИ, куда даже Алексею не давали проходку, разрабатывали новое оружие. В общем, история собственного развития магов не интересовала. Они просто знали, что просвещенное колдовство к ним завез Петр Великий, а до него колдуны и ведьмы только и делали, что прятались от церкви.

Елена даже думала найти Ренату, помнила еще, что ее отец был академиком, но вряд ли зашифровал колышками военные разработки. Они не виделись четверть века, Елена ничего о ней не знала. Может, и сама Рената пошла в итоге в науку? По стопам отца, как сама Елена за дедом. Но отчего-то ей было страшно спрашивать у Алексея, знает ли он колдунью Камаеву: вдруг не только ее магии, но и самой Ренаты никогда не было.

От долгого сидения на коленях у Елены затекла спина, она еле разогнулась. Все-таки, ей уже не двадцать лет, чтобы три часа кряду ползать по библиотеке от бумажки к бумажке. Она сама не заметила, как вылезла в коридор. Надо было что-то поесть. Калораж кукурузных палочек не покрывал работу нейронных связей.

Да и дети, наверное, есть хотели?

Она была уже на полпути к кухне, когда Алексей портировался в прихожую. Траекторию движения пришлось сменить.

– Здравствуй, дорогая. – Елена получила короткий поцелуй в губы и усталую улыбку.

Мальчики чуть не снесли его с ног, Алексей подхватил их обоих и понес в столовую. Для Тихона и Миши его приход всегда был праздником. В те времена, когда она сама еще была Леночкой, она также бросалась папе на шею, когда он возвращался вечером из мастерской. Ее отец был насквозь пропитан машинным маслом, от Алексея пахло каменной сыро-

стью Медной горы.

– Я думала, вы вместе с Верой вернетесь, – сказала Елена, когда они расселись за пустым обеденным столом.

– У нее скоро суд с Олей. – Передав жене сына, он снял мундир и закатал рукава рубашки. – Пытается вытянуть непредумышленное причинение смерти.

– А оно непредумышленное?

– Зависит от того, с какой стороны посмотреть. – Алексей заулыбался. По велению его руки дипломат влетел в столовую и опустился на соседний стул. – Прокурорчик будет тянуть на максимальный срок, но Вера его с потрохами съест, еще не оперился.

– А что за дело?

– Вера расскажет, когда выиграет. Смотри, – он открыл дипломат и бережно вытащил перемотанную бечевкой бумажную папку, – у меня для тебя есть сюрприз.

Ни цветами, ни духами «мэйд ин франс», ни шоколадными конфетами фабрики имени Крупской или ее магической конкурентки – фабрики Виты Каллаур – Елену было не удивить. Алексей это знал и по мере возможностей баловал интересными бумажками до того, как их хоронили в закрытых архивах.

– Что это? – От запаха старины кружилась голова. Елена осторожно перекладывала ветхие документы.

– Свод указов времен Петра Великого. – Алексей завязывал фартурк. – Это все про магов. Ты есть будешь?

– Потом.

Муж разливал по тарелкам суп, дети стучали ложками. Елена радовалась, что мать в детстве заставляла читать Псалтирь на церковнославянском, хоть сейчас от этого была польза.

Царским указом было велено разыскать колдунов и ведьм, чтобы те создали школу для обучения юных магов из дворянского сословия по подобию европейских академий. История становления института магии в Российской империи никак не помогала ей понять, откуда эта магия все-таки взялась. Восторг в ее взгляде медленно угасал.

– Петр I создал школу. – Елена разочарованно отложила бумаги.

– Лучшую школу! Хаптай-Агдун несколько веков выпускает самых сильных магов в мире. В сороковые кучка школьников в одиночку справилась с генералом магической армии Гитлера.

– И где они теперь?

Алексей поджал губы.

– Почти все погибли.

Елена печально усмехнулась. Ей очень не хотелось в одиночку перепахивать это научное поле, а встать на плечи предшественников не представлялось возможным. Предшественников не было.

Решено было стать первопроходцем.

Глава 2

Женские тела так сильно отличались от мужских. Изгиб от ребер до тазобедренных костей, полные икры, тонкий контур рамки яремной впадины и упавшая от смерти грудная клетка. Ольга всматривалась в снимки судмедэксперта уже глубокой ночью.

Светильник не щадил и резал по глазам. Ольга убавила яркость, свет подсветил бледное лицо. Спектакль давали в ее голове. Прописанной была лишь финальная сцена, жирная точка в замысле драматурга – убийство. А вот завязка и кульминация вышли смазанными и неубедительными, несмотря на грамотно выстроенную защиту Голицыной-Мартыновой. Адвокат настаивала на непредумышленном. Причинении смерти, конечно, как бы смешно это ни звучало.

Обвинение и защита в этот раз играли не на равных: у Боброва это был уголовный дебют, а Вера легко крутила фактами прямо перед его носом. Приходилось разбираться во всем самой, вплоть до каждой авторской ремарки. Заседание поставили на утро.

Сон садился на плечи, свешивал ноги и заставлял ниже склоняться над столом. Ольга опрокинула в себя стакан воды, магия внутри едва заметно отживела и потекла от горла к рукам, согревая замерзшие от полудремы пальцы.

Набрасывая поверх рабочего костюма чернобурковую шу-

бу, Ольга думала о том, что действует вне законодательства и самовольно вмешивается в ход процесса. В этой постановке у нее должно было быть минимум реплик. Сказать честно, она была не против просто не мешать Вере делать свою работу. Таких подсудимых у нее было тринадцать на дюжину, но второму дню суда никто не возразил – в Медной горе дошность судьи Бржезинской была делом привычным.

Привычным делом был и поиск правды. Она не могла позволить себе вынести неверный приговор. За эту ошибку приходилось платить: если не живым, то так мертвым. Иметь дело с последними было запрещено, вот только перед живыми они имели одно безусловное преимущество – мертвые никогда не ввали.

От ночных портаций в Хаптай-Агдун предостерегали, особенно когда до жути хотелось спать – не вовремя прикрыв глаза, можно было так и остаться в вакууме пространства, а не попасть на другой конец страны. Вот только совет, пусть и директрисы – не закон, и Ольга легко могла себе позволить его нарушить.

На счастье, она не промахнулась и оказалась в какой-то деревне. В последнее время пошла мода называть это поселками городского типа, но стоящая перед ней халупа выглядела уж больно удручающе. Калитка висела на одной хлипкой петле, трухлявый забор держался из последних сил, а двор застыл в вечной стройке – в России, как известно, заканчивать ремонты было не принято.

Она выпустила перед собой шар света. Внутрь вошла, когда он облетел все комнаты. Было пусто, но не страшно. Только зябко. Ольга засунула руки в карманы: хоть регистраторы магии и сняли, когда стало понятно, что Федотову в любом случае грозит тюрьма, она бы не рискнула здесь серьезно колдовать. Магии в округе не было на много километров, даже жилище подсудимого отдавало ее духом едва-едва.

Внутри находиться было приятнее. Смертью в доме совсем не пахло, зато воняло раскатанной в три слоя эмалью с суриком. В материалах дела было сказано, будто Федотов так перепугался, что не только протащил девушку по свежескрашенному, допер до леса и закопал ее там, но и успел поскоблуться по поводу испорченного пола и быстро все исправить. Ольга внимательно вгляделась себе под ноги: крови тут никогда и не было.

Она с недоверием осмотрела заявленное место преступления. По показаниям подсудимого, он нанес жертве семь ножевых после того, как та заявила, что забеременела от него. Убитая, по меткому комментарию прокурора Боброва, была последней проституткой на деревне, а по неохотным свидетельствам односельчан – непроходимой тупицей, мозгов которой хватало только на то, чтобы брать еду в обмен на раздвинутые ноги. Своего жилья не имела, семьи тоже. Следователь по делу честно признавался, что был готов запрашивать ордер на извлечение показаний сразу из памяти, настолько сильно не хотели все местные бабки добровольно

рассказывать об этой несчастной. Но в итоге выяснил, что девочку в полуторагодовалом возрасте оставили у местной церкви после неудачной попытки утопить, поп взял ее к себе на воспитание, а когда девчонка оформилась, сам же ее и оприходовал, сам же и объявил шлюхой, сам же и выгнал. С тех пор без малого восемь лет несчастная шаталась от порога к порогу, от мужика к сердобольной старухе, пока не обрела покой в той самой единственной на весь сруб комнате с косыми стенами и низким потолком. По крайней мере, так заявлял подсудимый. Также он заявлял, что каждое из семи ножевых ранений пробило насквозь по одной крупной артерии совершенно случайно. Ольга в такие случайности верить не собиралась.

Обходя дом, она едва дышала, прислушиваясь к сухой морозной тишине и собственным ощущениям. Ольга точно знала – здесь никого не убивали, но это не значило, что ее не найдут здесь убитые. Чужое незримое присутствие пришлось у нее холодком по позвоночнику. Она застыла, не решаясь обернуться.

– Ты можешь рассказать мне, что здесь случилось? – Вместе со словами изо рта выходили облака пара.

– Меня здесь любили, – ответил ей скрежет. Первое ножевое нанесли по горлу, связки были повреждены.

– Любили? – Слишком созвучно с «убили».

– Он был другой. Он не бил меня. Не издевался. Заботился.

– Он убил тебя? – Бржезинская не ожидала услышать оправдания.

– Я не знаю, в чем я провинилась. – Ольга скосила глаза: для той, кого убили так недавно, мертвая выглядела жестоко изуродованной. – Я сделала все, как он говорил.

– Что он тебе говорил?

– Что не надо бояться. – Блеклые очертания девушки, как рентгеновский снимок, которых Ольга насмотрелась на парах по судмедэкспертизе, пока училась на юридическом, бесшумно приближались, заставляя руки покрываться гусиной кожей. – Он говорил, что я вернусь.

– Откуда вернешься?

– Из леса. – Ольга напряглась: показания не сходились. – Он обещал, что я вернусь через три дня. И что я стану умной. И самой красивой.

– Расскажи, что он сделал.

– Он положил меня. Велел зажмуриться. Потом стало больно, вот тут. – Полусгнившей рукой девушка указала на горло, из раны, как штык, торчала сломанная гортань. – Я хотела кричать, но не могла. Потом он еще раз ударил, вот здесь. – Из солнечного сплетения в приветливых объятиях раскрывались ребра. – И тут. – Матка ошметком свисала из раны, Ольга невольно прикрыла глаза: физическое тело погибшей было в куда более лицеприятном состоянии. – Потом были плечи, – которые сейчас торчали круто вверх, напоминая вставшие на дыбы погоны, – и бедра. – Нервно сглотнув,

Ольга заставила себя приглядеться: все тело девушки, казалось, было насажено на бедренные кости, как на колья, а выломанные назад колени придавали ей вид болотной птицы.

– Он это здесь с тобой сделал?

Убитая слишком глубоко погрузилась в воспоминания о своей смерти:

– В земле было тихо. Зачем меня вытащили?

– Ты можешь мне показать, где он с тобой это сделал?

– Верни меня обратно в могилу! – Бесплотные пальцы сомкнулись на руке Ольги весьма ощутимо, она вздрогнула от неожиданности. Обезумевшая от страданий душа смотрела на нее тупым стеклянным взглядом, с которым было бесполезно спорить.

– Веди меня к своей могиле.

Они шли против природы. Оставляя на рыхлом снегу факсимиле, Ольга следовала за убитой, в момент нарушая не только кодекс непредвзятого судейства, но и главную заповедь мира магов: дел с мертвыми не имей. Говорили, что Смерть играет со скрещенными пальцами, так что, даже приняв ее правила, можно было потерять гораздо больше, чем только свою жизнь.

Оправдать себя Ольга могла лишь тем, что мертвые сами ее находили. Разрешения они не спрашивали; не планировавшие попадать под руку убийцы или несчастного случая находили ее и дома, и в Медной горе, и даже в скверах Екатеринбурга. И все, как один, для упокоения просили право-

судия и справедливого наказания. Задать вопрос по-досто-евски было некому, поэтому Ольга сама разрешила себе не отказывать тому миру в просьбах.

Рентгеновский силуэт блек в полутени голых веток. Чем дальше они уходили в лес, тем сложнее узнавались места с фотографий следователя. Ольге было не по себе. Убитая не собиралась останавливаться, хотя тот овраг, что в деле числился местом захоронения, уже остался позади. Они спускались с высокого берега вниз, огни деревни давно потонули за горизонтом, путь освещал лишь тусклый могильный свет бесплотной тени.

Деревья стали редеть, земля вязко проседала под шагами – неподалеку слышался тихий ход воды. Мертвая застыла посреди прогалины, неотрывно глядя себе под ноги.

– Тут, – хрипло произнесла она, указав распухшим от гниения пальцем на землю.

Ольге пришлось приглядеться. Чернозем был весь в неглубоких, но четких рытвинах. Их не засыпал снег, не размыла грязь, в них не набежала вода. Каракули по почве будто расчертили спиртовыми чернилами. Судья присела на корточки и, сняв перчатку, растерла между пальцами землю. Для такого плодородного района она была слишком сухой, рассыпалась в мелкую крошку и пахла так странно, но так знакомо, что натянулись все жилы. Ольга поднесла ладонь ближе к лицу: тяжелый железистый запах залепил ей щечину, она резко выпрямилась и вытерла руку о брюки.

Несколько верхних рытвин сложились в кривой ромб. Ольга разглядывала его, как в галерее, каждый мазок, каждая светотень была важна для понимания замысла художника. Она поняла, что ходит по начерченному кругу. Это значило лишь одно – Бобров был недалеким полудурком.

Здесь провели ритуал.

Ольга подумала об этом слишком громко. Мертвая скрипуче повернула шею в ее сторону, но ничего не сказала. Она молча легла навзничь, макушкой и большими пальцами ног касаясь линии – диаметр круга был точно выверен под нее. Все рытвины неожиданно тоже приобрели свое значение. Гортань, плечи, солнечное сплетение – вершины четырехугольника, матка и бедренные кости соединялись в куриную лапку какой-то руны. Пульс замедлился сам собой. Ольга дышала ртом и вдыхала в себя речной туман, он оседал на верхнем небе. Вода делилась с ней памятью, вкус у нее был однозначный. Вкус смертной казни за практику некромантии.

– Ты видишь? – Мертвая приподнялась. – Могила не принимает меня. Почему я не могу вернуться назад? – Полупрозрачными ладонями она долбила по земле. – Я хочу за ворота. Отведи меня туда!

– Я помогу тебе. – Слова застряли в пересохшем горле, но были услышаны.

Мертвая замерла – глаза у нее некогда были тускло-синими, а вот тупой взгляд всегда смотрел в никуда – и кивнула.

Обдав холодом сквозь мех, она проковыляла мимо, к реке, и слилась с наваристым туманом.

Хотелось осесть наземь, но еще больше хотелось выпить что-нибудь горячее, разогнать застывшую от страха кровь. Привыкнуть к мертвым не получилось даже за несколько лет. Почему они приходили именно к ней, Ольга не знала. Она училась на Воронах, как и все там, черпала силу из неживого. В один момент неживое само стало тянуться к ней. Списать это на стихийную магию не удавалось. Неволшебники такое называли талантом, а маги поддакивали лишь с той оговоркой, что этот талант сидит внутри с самого рождения и проявляется с первой попыткой колдовства. Ольга в детстве играла с водой, а мертвых не видела, не то бы спросила у матери, как обратить на себя внимание отца. Она стала судьей – тогда они и пришли.

За свой то ли талант, то ли фантасмагорию умирать не хотелось, вот Ольга и молчала. Некромантия нарушала все мыслимые законы мироздания, вмешиваться в ход вещей не имела права даже директриса де Руа, хотя многие считали, что она за этим ходом и следит, его и останавливает по собственному желанию. Баек вокруг ходило много, но правду не знал никто. Искать дорогу в тот мир позволялось исключительно заядлым теоретикам в научных институтах, ученым с особым разрешением, типом магии и только под надзором министерства образования, службы магической разведки и президента лично. Все остальные тоже могли постичь тайны

смерти, вот только поведать о них не успевали – их лишали магии и казнили.

Выносить приговор по обвинению в некромантии было верхом лицемерия, хотя Федотов, вне всяких сомнений, заслуживал казни. Надежда была только на то, что Бобров выбьет у Голицыной-Мартыновой предумышленное убийство, и пожизненных каникул в тюрьме будет достаточно для того, чтобы бедная девушка успокоилась. Но, судя по тем материалам, что ей предоставили перед судом, прокурор грозился проиграть дело совсем всухую, а душа несчастной – так никогда и не найти упокоения. Судья Бржезинская не любила заключать сделки с совестью. Сейчас иного выхода у нее не было: даже если она не могла вменить в вину некромантию в силу невозможности предоставить доказательства, то, по крайней мере, она могла заставить подсудимого глубоко пожалеть о том, что он вообще решился пойти на это.

***

– Протестую, к материалам дела не относится.

Бобров выглядел жалко, но судье пришлось поддержать адвоката.

– Протест принят. – Голицына-Мартынова сияла, будто именинница. Любую попытку прокурора свести дело к предумышленному убийству она разбивала в пух и прах, Ольге даже придрасться было не к чему. – Марк Борисович, если у

вас кончились существенные доказательства, я передам слово стороне защиты.

– Прошу прощения, ваша честь. – Боброва трясло, но вряд ли от гнева, скорее от отчаяния. Сил на то, чтобы испытывать к нему жалость, у Ольги не было. – Сторона обвинения предоставление доказательств закончила.

– Для предоставления доказательств со стороны защиты приглашается адвокат подсудимого.

Вера, конечно, была очень похожа на своего отца, и Ольга на каждом совместном суде сокрушалась, что старшая из дочерей Алексея выбрала другую сторону. Таких прокуроров им не хватало. Голицына-Мартынова поднялась со своего места и подошла к столу Боброва. Ольга невольно отвернулась: смотреть на то, как разорвут на кусочки прокурора, ей совсем не хотелось.

– Сторона защиты в качестве доказательства представляет запись свидетельских показаний. – Папка, которую Вера держала в руках, отправилась в свободный полет на стол судьи, освобождаясь от стесняющих ее застежек. – Гражданка Смолякова А.И., 1940 года рождения, соседка подсудимого Федотова. – Судья надела очки и пробежала глазами по протоколу беседы следователя со свидетелем.

– Принимается. – Вера кивнула, и зал заполнился хриплым голосом старухи:

– *На эту шалаву? На эту шалаву заявление о пропаже писать?*

– Да.

– Да все рады были, когда ее три дня не видно, не слышно было, прости Господи. Ментов вызвали и то потому, что кому-то примерещилось, что он там деньги закапывает, ну.

– В деревне ее не любили?

– Эт токмо городские блядеи любят.

– А сами с погибшей как давно говорили?

– Говорила. Недели за три до всего этого.

– И о чем говорили?

– А о чем с ней говорить-то можно, дружок? Пригрел на груди своей Герка шалаву, я ей и сказала: «Недолго музыка играть-то будет, милая, надоест – выгонит, ток если не залетишь».

– А она что?

– Да ничего, что. Оскалилась, мол, «он не такой, не такой». Да какой не такой, как будто от тебя есть другой толк, на то только и годилась всем кобелям, чтоб тебя трахать.

– А про Федотова что сказать можете?

– Да жалко его. Хороший мужик, рукастый, помогал мне часто. А тут...

– Ну, ежесли рукастый, так и что, убить не мог?

– Да отчего ж не мог, Герка с характером.

– Это что значит?

– Да я малым его помню, к бабке его свозили, чтоб в городе не мешался, дрался со всеми, хоть ты ему слово поперек

скажи. Вот и эта, видать, довела, не рассчитал. Слушай, его ж посадят, наверное?

– Да уж, наверное.

– Вот зря он с ней связался, я ему говорила...

– Спасибо, гражданка, очень помогаете...

– Ваша честь, материалы не имеют отношения к делу! – Бобров отдышался и собрался брать реванш.

– Протест принимается. Адвокат, обоснуйте причастность материалов.

– С удовольствием, ваша честь. – Голицына-Мартынова повела рукой, и материалы из увесистой папки поднялись в воздух, готовые ассистировать. – В данном фрагменте свидетель Смолякова упоминает два крайне важных для торжества справедливости факта. Первый – подсудимый Федотов с раннего детства отличался вспыльчивым характером, показания свидетеля подтверждаются справкой из начальной магической школы №2 по московской общине, где обучался подсудимый, а также свидетельствами классных руководителей Федотова периода его обучения в доме Коней в стенах Всесоюзного училища основ колдовства и высшей магии имени Н.К. Крупской. – Документы по очереди подлетали к глазам Бржезинской, после чего лениво лавировали до стола Боброва и возвращались обратно в папку. – Уже по этим свидетельствам без дополнительной экспертизы суд может сделать вывод, что подсудимый Федотов крайне склонен к неконтролируемым вспышкам гнева...

– Протестую, ваша честь! – Марк вскочил так резко, что опрокинул свой стул. – Апеллирование к состоянию аффекта невозможно в силу характера орудия убийства, мы говорим о волшебнике!

– Протест отклонен, дайте адвокату закончить мысль.

– Спасибо за замечание, господин прокурор, я как раз собиралась переходить к этой немаловажной детали. – Вера повернулась, со стола взлетел большой кухонный нож, заявленный в качестве орудия убийства и признанный таковым экспертизой. – Прокурор Бобров совершенно справедливо заметил, что мы говорим о волшебнике, но я подчеркну, что мы говорим о волшебнике, который отказался от своего магического гражданства, живет в *обычном* немагическом поселении и ведет *обычную* немагическую жизнь.

– Протестую, к делу не относится!

– Протест отклонен. – Ольга не на шутку раздражалась. – Прокурор, прекратите протестовать в каждую паузу на вдох и на выдох. Вера Алексеевна, продолжайте.

– Спасибо, ваша честь. Марк Борисович, спасибо и вам тоже, так мило с вашей стороны предоставлять мне дополнительные доказательства невиновности моего подзащитного. – Ольга покосилась на Боброва: его цвет лица с багрово-томатного сменился на пепельный. – Для нас с вами, кто родился и вырос в магической среде, более естественно откликаться на внешние раздражители своей магией, что и сделали вы, Марк Борисович, прямо сейчас, когда обдали меня

волной своей гневной энергии. Но мой подзащитный, – теперь Вера обращалась непосредственно к Ольге, – родился в смешанном браке, рос без отца-волшебника, его воспитывала мать, которая не была колдуньей, и все по тем же свидетельствам из учебных учреждений нам известно, что подсудимый Федотов с самого раннего детства был более склонен к проявлению физической, а не магической агрессии. Так что, господин прокурор, ваша честь, тот факт, что подсудимый совершил убийство гражданки Ушаковой при помощи обычного разделочного ножа и без посредства своей магии, является прямым доказательством непреднамеренности его действий. Сторона защиты ходатайствует о преквалификации действий обвиняемого и прекращении уголовного дела.

– Ваша честь! – Ольга уже боялась, как бы ее собственная магия не вышла из-под контроля, но ограничилась строгим взглядом поверх очков. Бобров застыл на полуслове.

– Ну?

– Ваша честь, я протестую. В представленной записи свидетель Смолякова сообщает, что подсудимого в детстве часто отправляли гостить к другой родственнице, значит, его воспитанием занималась не одна мать. – Бржезинская перевела взгляд на Веру, та еле заметно улыбалась.

– Благодарю за вопрос, Марк Борисович. Действительно, в возрасте с четырех до семи лет подсудимый часто бывал у своей бабушки по отцу – Федотовой Прасковьи Макаровны. Перед глазами у Ольги встало свидетельство о смерти

двухлетней давности. Краем глаза она заметила очередное шевеление за столом прокурора, но даже ее терпению был предел:

– Сидеть.

Бобров вжал голову в плечи под ее шипение и решил не рисковать. Вера продолжала:

– Прасковья Макаровна, как и ее внук, магического гражданства не имела, даже его не получала. Единственным свидетельством того, что бабушка подсудимого была колдуньей, является запись из начальной магической школы №7 по московской общине. – Очередная бумажка всплыла перед Ольгой, но она уже не имела сил в них всматриваться, победа Голицыной-Мартыновой в этом раунде была очевидной. – В училище колдунья Федотова не обучалась, так что нет ни единого основания полагать, что она могла привить внуку привычку использовать волшебство в повседневной жизни. В доказательство этому предположению можно привести отсутствие свидетельств соседей о каких бы то ни было странностях в поведении и быту Федотовой или ее внука.

В зале повисла махровая тишина. Бобров нервно зыркал на Ольгу, но та молча рассматривала материалы адвоката, сжимая пальцами виски. Заседание нужно было переносить.

– Вера Алексеевна, вы говорили, что в записанном фрагменте свидетель упоминает два важных для процесса факта.

– Так и есть, ваша честь.

Вера верила в свою победу и имела на это полное право.

Чего таить, если бы Ольга не знала наверняка, она бы давно решила удовлетворить ходатайство стороны защиты. Но она знала, как и знала, что если вынесет приговор по заявленной прокурором статье, да еще и даст Федотову полный срок, ее судебская карьера на этом может закончиться. Она кивнула Голицыной-Мартыновой, та продолжала.

Вторым важным для процесса фактом, по мнению Веры, был пустой лист экспертизы энергетических следов. Эту экспертизу обычно назначали в бракоразводных процессах, когда подозревали одного из супругов в измене, или в делах о сексуальном насилии.

– На что я смотрю? – Бржезинская недоумевала. – Здесь ничего нет.

– Так и есть, ваша честь. – Вера выдержала паузу, позволив Боброву ознакомиться с материалами. – Потому что между моим подзащитным и убитой Ушаковой не было сексуальной связи.

– Изъясните свою мысль, Вера Алексеевна. – Ольга хмурила брови, Бобров за своим столом сидел в полубомороке.

– Ваша честь, если позволите, я бы хотела перейти к допросу подсудимого. Это позволит суду лучше понять значимость представленных доказательств.

– Сторона обвинения не возражает? – Марк покачал головой, пялясь перед собой в одну точку. Уже смирился с позором. Короткий удар молотка о подставку заставил прокурора выйти из оцепенения. Ольга поджала губы: Боброва она

знала со студенческой скамьи, но даже не подозревала в нем такую бестолочь.

Федотов Герасим Трофимович из Липецкой области, село Горлово, был угрюм, под стать своему имени. Его допрос забрал у Ольги последнюю надежду на обвинительный приговор: в день убийства Федотова уволили с работы, на аванс дали пакет мясных обрезков, денег не было, рвал и метал, напился. Неужто несчастная и правда неудачно попала под руку?

– Нарвалась она. – Ольга с трудом не верила в его слезы. Так хорошо врать не умел даже Меншиков, но она точно *знала*, что Федотов врал. Или не врал? – Не хотел я.

– Герасим Трофимович, что было между тем, как пришла гражданка Ушакова и тем, как вы нанесли ей первый удар?

– Вы же знаете про Олесю? – Федотов поднял на судью свои тяжелые бетонные глаза. – Ее ж мать утопить пыталась, не смогла. А она это... ну, в общем, слабоумная выросла. Доверяла всем, за чистую монету все. Ее и пользовали, кому не лень было. Хоть кормить кормили, мрази.

– Протестую, ваша честь, подсудимый не отвечает на вопрос.

– Протест принят. Федотов, отвечайте на вопрос адвоката. Герасим тряхнул головой.

– Гражданка Ушакова пришла где-то к часу, хотя я говорил ей, чтоб она не шастала ночью. Журить начал. Ну, – подсудимый облизнул губы, – ладно, орать начал. Послед-

няя капля уже была. – Федотов ни на кого не смотрел, не искал поддержки у Веры, не заискивал перед Ольгой. Бржезинская такой взгляд в себя хорошо знала, но если обычно он ей красноречивее всех речей защиты говорил о невинности, сейчас этот взгляд лишь сильнее запутывал. Мертвые ей никогда раньше не лгали. – Ну, я сказал ей, что раз она не может ради крыши над головой, еды и нормальной жизни одно простое правило исполнить, то пусть катится на все четыре стороны. А она возьми да и ляпни, что того... что беременна. Ну тут я с катушек слетел, говорю, «а ну веди, что за мразь тебя?», нож сжал, думал, урою мудилу. Уж сколько она от них бед натерпелась, еще этого не хватало. А Олеська... гражданка Ушакова, простите, она возьми да и ляпни, что от меня. Как громом к земле прибила. Я заревел. Замахнулся рукой, а в ней нож. Ну и в горло. – Герасим умолк и замер. Ольге было не по себе: она верила в его слова, но что-то не давало ей верить в раскаяние. Он говорил об убитой, но дрожь в голосе адресовалась будто бы не ей.

– Что было потом? – Голос судьи прозвучал слишком резко, Федотов вскинул на нее голову и смотрел так, будто первый раз видел.

– Она повалилась, а меня как с цепи сорвало. Я ее одну, бедную... ее за всех бил. А когда понял, что натворил, уже поздно было. Из нее крови, как из поросенка натекло. Мертвая была уже. – Мужик хлопнул носом и утер щеки.

– Герасим Трофимович, почему слова о вашем отцовстве

вас так разозлили?

– Да потому что не спал я с ней. Ни единого раза. А она, небось, испугалась, что залетела от кого-то из этих, шакалов, а ей сказали, мол, не теряйся, скажи Герке, что его, он тебя и не выгонит. – Подсудимый ошутимо злился от этих рассуждений. – Да только дуры, старухи эти. Они-то, стервы, думали, что она у меня как подстилка живет, а я ее не трогал ни разу. Научили на ее голову, а я сорвался...

Избыток вкуса убивает вкус. Ольгу мутило от лжи, настолько густо приправленной настоящими чувствами, что даже она не учуяла запаха гнили. Федотов лгал, ей следовало принять это за аксиому, и тем отвратительнее была эта ложь, чем искуснее он выдавал ее за чистую правду. Тишина паузы чрезмерно затянулась, убийца поднял глаза на судью и, видимо, увидел что-то на дне ее взгляда, что заставило его испугаться. *По-настоящему* испугаться. Но уже в следующее мгновение наваждение рассеялось, Ольга смотрела в по-прежнему глухие и шершавые бетонные глаза, полные скорби и раскаяния, но теперь она была уверена – эта скорбь была не по убитой, не в ее смерти Федотов раскаивался, а, значит, отмстить ее могла лишь высшая мера наказания. Молот взметнулся в воздух и опустился на подставку:

– Суд откладывает заседание, так как дело не может быть рассмотрено в текущем процессе.

К ней тотчас ринулись оба – Вера и Бобров.

– Ольга Феликсовна, в чем дело? – Голицына-Мартынова

явно рассчитывала уже сегодня почивать на лаврах. Судья наспех выдумывала причину:

– В материалах ничего не было о слабоумии Ушаковой, и экспертизу энергетических следов проводила только одна сторона. Не стоит думать, Вера Алексеевна, что если вы Боброва можете подловить на незнании процессуального кодекса, то это сработает и со мной.

– Да я не думала...

– Уведомление о новой дате отправлю вам обоим вечером. – Вера была ошарашена, и Ольга понимала, почему – дело было кристально чистым, зачем рассматривать его еще день, было неясно. Никому, кроме самой Ольги. – Бобров, у тебя три минуты, чтобы занести в мой кабинет материалы по делу.

Едва дверь закрылась, Ольга опрокинула в себя целый графин воды. Ей полегчало: удушливая тошнота отступила, сердце перестало сдавленно биться о дно желудка, и мысли снова текли в голове размеренно и ровно. Лицемерие или нет, но Федотов убил человека. Ольга никого не убивала. Ни сама, ни за себя, ни для себя, только для них. И сейчас одна из них нуждалась в справедливости, вероятно, больше, чем кто-либо другой на ее памяти. Это дело она спустить не могла.

– Ольга Феликсовна? – В дверной проем влезла модная стрижка Боброва. – Извините, задержался. – Прокурор аккуратно водрузил на ее стол все папки, но верхняя все равно

сползла и стремглав полетела к полу.

– Садись. – Ольга поймала на лету папку и отправила к остальной башне. Дверь послушно закрылась, щелкнул замок.

– Я хотел поблагодарить вас, Ольга Феликсовна. – Марк нервно растирал потеющие ладони. – Если бы не вы, она бы меня совсем размазала...

– Бобров, я не ради тебя это сделала. – Он прикусил язык. – Это не суд сегодня был, это позор. Твой позор. Понимаешь? – Зеленые глаза прокурора поникли за стеклами прямоугольных очков. – Ты где учился, Бобров?

– Тут. – Марк сутулился, пытаясь занимать как можно меньше места. – На курсах при министерстве.

– И все? – Он кивнул. – А лет тебе сколько?

– Двадцать девять. – Бржезинская с трудом представляла, насколько ужасный у него сегодня день, и насколько еще более ужасным она сейчас его делала. Этот урок должен был пойти ему на пользу. Но сейчас он всеми силами стремился плотнее скукожиться в своем пиджаке.

– Куда ты там в пол вжимаешься, все равно не провалишься.

– Извините.

– Бобров, ты когда получал это дело, ты хоть что-нибудь дальше первой строчки читал? Ты знал, что у тебя Голицына-Мартынова оппонентом будет?

– Знал.

– И что, петух не клюнул, что готовиться надо?

– Да мне дело простым показалось, я не думал... – Он пожал плечами.

– Вот именно. – Бржезинская расстегнула ворот мантии. – Ты не думал. А Вера думала. А еще Вера училась в МГУ на юрфаке, а потом еще в Гарварде, а потом еще здесь на курсах. А еще Вера наизусть УПК знает, а еще каждый вечер за чаем с отцом сложнейшие процессы разбирает. Кто ее отец ты хоть знаешь?

– Министр юстиции наш, – проямлил Марк. – Генеральный прокурор, Алексей Петрович.

– Спасибо на этом. – Ольга налила себе еще стакан воды и откинулась на спинку кресла. – Так что ты не удивляйся, что она тебя раскатала. Ты лучше соберись и думай, как тебе дело выиграть.

– Да никак, видимо.

– Чего? – Ольга даже поперхнулась.

– Да он ее, кажется, правда не специально убил. Непредумышленное, все-таки, чего тут давить. Человеку жизнь портить.

– Бобров. – Ольга пыталась подобрать цензурные слова, но ей на это потребовалось почти полминуты. – Ты не Бобров, ты Дятлов. Голову свою четланскую включи уже. У тебя улик – во, – она показала ему ноготь мизинца, – а у Голицыной-Мартыновой материалов – во. – Марк без энтузиазма осмотрел руку судьи от плеча до кончиков пальцев. –

Но что-то мне подсказывает, что дело не в том, что больше доказательств вины нет, а в том, что ты их не искал. Ты что про Федотова знаешь?

– Учился на Конях, восемь курсов окончил, – *изучал некромантию*, добавила про себя Ольга, но не озвучила, – в Перми жил, – *второй магический центр Союза*, – потом от гражданства отказался, в свою Липецкую область переехал, бабуку выхаживал.

– И что, прям просто взял и от гражданства отказался? И случайно «забыл» зарегистрироваться как гражданин СССР? – Бобров нехотя пожал плечами. Он даже не задумывался, как это дело попало к ним в суд, если Федотов уже не был гражданином Союза, убил неволшебницу да еще и обычным ножом. – Значит так, Марк Борисович. Я ставлю заседание через десять дней. Это значит, что через неделю ты должен принести мне все, что нароешь. Начиная с того, с кем Федотов в детском саду дружил, заканчивая анализом почвы на его болотных ботинках. Прочеси всю деревню, весь лес, всю реку. Ханжина подними, чтобы везде с тобой ходил и записывал.

– Ханжин пошлет...

– Ханжин следователь, Бобров, а ты – прокурор. Он тебя по званию послать не может, понимаешь?

– Понимаю. – Он поднялся, но мешкал выходить. – Ольга Феликсовна, а если Вера права?

– Если Вера права, то ты докажешь то же самое, что и

она. – Об этом прокурор вряд ли подумал. – У вас одна цель, Марк, найти правду. Иди давай, Бобров, грызи землю.

– Хорошо, Ольга Феликсовна...

– И со мной сразу свяжись, если что-то отроешь.

– Понял.

– И не смей никому взболтнуть, что я тебе помогаю.

– Понял, Ольга Феликсовна, спасибо. До свидания.

Бобров откланялся, и Ольга позволила себе уронить голову. Воспаленные бессонной ночью глаза саднило, но стоило их прикрыть, как тотчас перед ними вставал образ изувеченной души гражданки Ушаковой. Сил о ней думать у Ольги уже не было, так что было решено вернуться к этому делу, когда Бобров достанет хоть какие-то стоящие улики. Судья плотно зажмурилась, по темноте поплыли пятна. Мысленно сфокусировав внимание, Ольга позвала своего секретаря:

– Настя, что еще сегодня?

– На три часа предварительное слушание по делу об убийстве Мироновой. – Бржезинская едва удержалась, чтобы не сматериться: любили ей глухарей спихивать, суди, мол, Оленька, если не ты, то никто. Ну, никто, так никто.

– Переноси.

– На какое число, Ольга Феликсовна?

– После Нового года. И уведоми стороны.

– Будет сделано. – Настя еще училась на курсах, но уже была одной из лучших студенток. Ольга не сомневалась, что когда-нибудь ее секретарь еще задаст жару тому же Бобро-

ву. – Что-то еще?

– Если кто-то будет искать – меня нет. – Судья обессиленно стягивала с себя мантию. – Говори всем, что я дома, болею.

– И Константину Григорьевичу тоже?

– Константину Григорьевичу можешь сказать, что я умерла. – За последний месяц присутствие Меншикова в этом кабинете стало настолько чрезмерным, что Ольга невольно начала его избегать.

– Перенаправлять вам звонки?

– Нет. – Ольга поднялась с кресла и позволила шубе уюниться на свои плечи. – Если только Кожемяко звонить будет.

– Как скажете. – Ольга вышла из своего кабинета, и голос секретаря резко срезонировал внутри и снаружи ее головы.

– Портируй ко мне все, что на столе лежит. – Бржезинская настолько устала, что не имела сил нести в руках даже свою сумку.

Своды Гумешевского рудника, закрытого для штизелей¹ под предлогом риска обвала, отзывались шагам верховной судьи глухим эхом. За ту половину века, что в этих штольнях обживалось правительство Союза, Медная гора совсем не утратила свою холодную пугающую загадочность: то тут,

---

¹ Штизель (ед.ч.), штизели (мн.ч.) – жаргонное слово, использующееся союзными волшебниками для обозначения немагов. Происходит от немецкого «*der stiesel*» – дурак, простофиля, дурачок, олух.

то там в малахитовых узорах чудился чей-то тяжелый строгий взгляд, от ощущения которого многим становилось не по себе. Ее саму незримое присутствие «хозяйки» всегда воодушевляло. Гора следила за порядком в делах и мыслях колдунов, порядку служила и Ольга.

Хаптай-Агдун тоже следил за порядком глазами мадам де Руа, но в школе все было «по-маленькому». Наказания директрисы, которые тогда казались кошмаром, были детским лепетом по сравнению с тем, что можно было получить за нарушение порядка здесь. За воровство здесь. За превышение полномочий здесь. В Медной горе все было по-взрослому, по-настоящему.

Суровость наказания соотносилась с тяжестью преступления, а Ольга и высшая справедливость наконец-то воевали на одной стороне.

«Горнорабочий, помни, что все сокровища земли отдала тебе Октябрьская революция!»

На остром крае битого окна красной тряпкой болтался советский плакат. Магия толкнула ржавые двери нерабочей администрации рудника, они распахнулись, приглашая в грязную зиму окраины Екатеринбурга. Из-под смешанного с песком снега опасно выглядывал прилипший к асфальту лед. Стараясь не изгваздать замшевые сапоги, Ольга безболезненно преодолела этот зимний пляж и вышла на чистый переход.

– Эй, дамочка! – крикнул ей в спину розовощекий от бо-

ярышника дворник, но заниженную девятку уже заносило в противоположную от нее сторону. Магия дала большой крен, девятка пузом села на тротуар. – Ой-й, едрить твою переядрить...

– Глаза разуй! Баран тупой...

Водила пытался справиться с дверью, пока Ольга пересекала проезжую часть.

– Еб твою мать, я из-за тебя машине дно продрал!

– Какая, блять, досада. Рулить научись, козлина!

– Слышь, стерва, гони мне компенсацию! – Мужик полоумно зыркнул на нее сверху вниз. Растопырился, как петух, упер в бока руки и преградил путь. – Ты в курсе, сколько на ремонт уйдет?

Слабый толчок магии чуть не лишил его равновесия, водила попятился, давая Ольге возможность встать на тротуар. Она нависла над ним грозовой тучей.

– Я тебе такую компенсацию устрою, что ты не только свою девятку, права свои до конца жизни не увидишь.

– Да че ты?..

– Да ничего, резина голая, скоростной режим превысил. Радуйся, что гайцов не вызвала.

– Да ладно-ладно, че ты начинаешь?

– Я еще даже не начинала, – процедила она. Задерживаться в такой компании Ольга не планировала, так что оставила непутевого мужика наедине с его корытом, хотя могла снять авто с мели одним движением руки.

Фонарь около подъезда в припадке моргал, на весь квартал он последний остался в живых. Добраться домой до темноты у нее не вышло, даже если бы этот шумахер в качестве моральной компенсации прокатил ее на своем хламовозе. На то, чтобы идти сегодня на плавание, сил не было, равно как и сил забить холодильник свежими продуктами. В ход пошел стратегический запас пельменей, который сам собой варился, пока Ольга переодевалась и смывала с себя тяжелые сутки.

К бумагам, которые Настя любезно портировала на ее стол, Бржезинская не притронулась ни в тот вечер, ни во все последующие. Ее персона была популярна посезонно – когда убийств было, как Зайцев в Хаптай-Агдун, и когда от ее решений хлеб шел министерствам. По этим двум причинам разбираться в деле Мироновой у нее не было никакого желания. Ольга не собиралась прикрывать правом незаконные желания, чьи бы они ни были, хотя прекрасно осознавала всю их необходимость и важность. Закон у нее был для другого, для тех, кому больше рассчитывать было не на что. Прямо как жестоко убитой Ушаковой Олесе, чья последняя надежда на справедливость не выходила на связь целую неделю, но отозвалась в сознании Ольги поздним воскресным вечером:

- Ольга Феликсовна, я нашел.
- Что ты нашел?

***

Федотов держался спокойно, даже когда прокурор начал откровенно переигрывать. Подсудимый утверждал, что после магического училища помотался туда-сюда, да и решил от греха подальше красную корочку вернуть, паспорт обычный.

Но Бобров все десять дней добросовестно рыл носом землю: сразу после училища Федотов устроился в Пермский исследовательский институт магических инноваций и проработал там шесть лет, что для конца восьмидесятых было отнюдь недурно. К двадцати пяти он уже был младшим научным сотрудником в одной из ведущих лабораторий маго-военных технологий. Как всего этого добиться, не используя магию?

– Давайте попробуем ответить на вопрос еще раз, Герасим Трофимович: по какой причине вы, успешный молодой ученый на пике карьеры, решили отказаться от магического гражданства?

– Мне надоела эта работа. – Федотов уже цедил сквозь зубы. – Я понял, что не смогу в ней реализоваться.

– Вот как? – Бобров зашелестел бумажками. – И поэтому после Пермского ИИМИ вы подали свое резюме сразу в пять других исследовательских институтов? В том числе Екатеринбургский научно-исследовательский магический институт

при правительстве Союза, в Дальневосточный НИМИ имени Романовой и даже в закрытый Северный НИМИ на земле Франца-Иосифа. Такие амбиции... С трудом верится, что вы собирались уходить из профессии. Может, все-таки скажете суду правду?

– Ваша честь, протестую. Какое отношение к настоящему делу имеет прежняя карьера моего подзащитного?

– Принимается. – Ольга понимала, как сильно хочется Боброву развернуться со всеми уликами, которые он нашел, но процессу это представление вредить не должно. – Прокурор, ближе к делу. Даю вам еще две попытки. – Очень не хотелось переносить заседание еще раз. – Подсудимый, отвечайте.

– В другие институты меня не взяли, – отвечал Федотов, глядя перед собой в пол. – Поэтому я решил покончить с колдовством и сменить гражданство.

– Вам объясняли причину, по которой вам было отказано в должности?

– Я уже не помню, ваша честь. Это было... почти двадцать лет назад.

– Сторона обвинения ходатайствует о приобщении к делу письма руководителя маго-технологической лаборатории Екатеринбургского НИМИ, написанного в ответ соискателю на должность младшего лаборанта Федотову Г.Т. – Желтый лист бумаги пустился в полет по залу. Судья вчиталась: Федотову отказывали в должности из-за причастности

к несчастному случаю в лаборатории Пермского ИИМИ.

– Прокурор, у вас остался один вопрос не по делу, – напомнила ему Ольга, но чувствовала, что развязка близка.

– Благодарю. Герасим Трофимович, раз уж вы так отчаянно не хотите рассказывать, почему вдруг решили отказаться от магического гражданства, пожалуйста, расскажите об инциденте, который произошел 15 апреля 1988 года в вашу ночную смену в лаборатории Пермского ИИМИ. – Стоило Марку произнести дату, Федотов весь скукожился и затрясся. Конвоирам пришлось взять его под локти, чтобы не дать осесть на пол.

– Я не хотел, – сдавленно простонал подсудимый, сжимая руками голову. – Я не хотел, чтобы она пострадала. Это было случайностью. Суд... – Федотов поднял голову, но посмотрел не на судью, а на своего адвоката. Вера сидела на своем месте с непроницаемым выражением лица, но Ольга догадывалась, что внутри у нее все напряжено до предела. – Суд оправдал меня, вины не было. Она сама... сама туда упала... – Он зарыдал. Высокий жилистый мужчина сотрясался всем телом, не в состоянии вынести воспоминаний. Вот перед кем его мучила совесть. Вот перед кем он раскаивался.

– Ваша честь, с вашего позволения, сторона обвинения ходатайствует о приобщении к материалам дела постановление суда по делу о непреднамеренном причинении смерти.

– Изложите содержание, Марк Борисович.

Бобров с энтузиазмом кивнул и прочистил горло.

– В ночь с 14 на 15 апреля 1988 года подсудимый Федотов был старшим дежурным в лаборатории маго-военных технологий Пермского ИИМИ. Его ассистентом в ту ночь была лаборантка – Титова Зинаида Дмитриевна, с которой, по показаниям друзей и коллег, а также по данным экспертизы энергетических следов, подсудимый Федотов состоял в романтических и сексуальных отношениях. Также, по показаниям близкой подруги Титовой, на момент 14 апреля Титова и Федотов находились в ссоре, Титова хотела разорвать отношения. По показаниям подсудимого Федотова в ночь их совместного дежурства он предпринял попытку поговорить с Титовой и восстановить их отношения, но разговор не удался и перерос в ссору. Далее из протокола заседания: *«Колдунья Титова прервала разговор под предлогом, что ей нужно снять счетчики. Я пошел к резервуару за ней, так как сам снимал счетчики десять минут назад, до того, как решился на разговор. Зина, простите, колдунья Титова в очередной раз отказала мне в разговоре, перешла на оскорбления в резкой форме, дала пощечину, попыталась оттолкнуть, но... Она была хрупкая девушка, я уперся, она равновесие потеряла. Я пытался поймать ее за руку, но не успел, и Зина, простите, колдунья Титова упала через ограждение вниз»*. – Ольга, не отрываясь, наблюдала за Федотовым. Любовь слишком часто принимала уродливые формы, чтобы верить в ее спасительную силу. За время службы Союзу Ольга сталкивалась только с тем, как она разрушала. – Суд

тогда признал подсудимого Федотова невиновным в непредумышленном причинении смерти, гибель колдуньи Титовой была признана несчастным случаем. Вот только все ее друзья и сотрудники лаборатории с судом согласны не были, верно, Герасим Трофимович?

– Да. – Его уже не трясло. Федотов смотрел прямо перед собой, но Ольга все еще не видела в его глазах должного раскаяния. Он винил себя в смерти Титовой, но не Ушаковой. – Меня вынудили уволиться. Не дали устроиться на работу куда-то еще. Я потерял все.

– И решили начать жить заново, но теперь без магии? – Федотов сухо кивнул. – И по несчастному стечению обстоятельств ваша несдержанность вновь привела к гибели невиновного человека.

– Да, это так.

Бобров не сдержал усмешки.

– Нет, это не так. Ваша честь. – Марк в предвкушении облизнул губы. – Сторона обвинения закончила допрос подсудимого и ходатайствует о вызове свидетеля.

Бобров не подвел: в зал вошел крайне серьезный мужчина, Ольге стало искренне интересно, что он там мог освидетельствовать. Приглаживая густые бакенбарды, свидетель представился сотрудником Правительственного Екатеринбургского научно-исследовательского магического института. Сказать точнее – заведующим лабораторией теоретической некромантии. Отчего-то на этих словах от сердца

не отлегло.

Вера растерянно обернулась сначала на Ольгу, потом на Марка. Возражать пока было не на что, она потеревила челку, плотно сомкнула губы и уставилась в свои бумаги. Ольга тоже изумилась, но скорее тому, как Боброву удалось откопать этот экспонат.

Прокурор снял себя с паузы:

– Ваша честь, на этой неделе мне довелось побывать в родном селе подсудимого. Не буду описывать все красоты Горлово, перейду сразу к делу. Это река Ранова, – белесо-серебристые линии магии Боброва складывались в провинциальный пейзаж, – это ее берег, а это, – Ольга моментально узнала знакомые символы, – то, ради чего пришлось связаться с нашим экспертом.

– Что это? – Вера привстала из-за своего стола.

Когда прокурор сел, картинка не рассеялась. Ольга ощутила в зале движение другой магии, более знакомой, статичной. В свидетеле обвинения безошибочно определился выпускник Воронов, но того, что она чувствовала в самой себе, этого гнилостного оттенка, в нем не было.

Ольге сложно было даже помыслить о существовании некой коллегии ученых-некромантов, но живое тому доказательство сейчас портировало ей на стол протокол их кулуарного заседания. Свидетель вещал про ущерб экосистеме, сухую и подзолистую почву и вымерший в округе лес.

– Анализ почвы показал, что она бедна гумусом, но богата

кровью.

– Гражданки Ушаковой, – добавил прокурор и приправил свои слова справкой. По постной гримасе свидетеля стало ясно, что он терпеть не мог, когда его перебивали. Ольга решила влезть в секундную заминку:

– Вы можете сказать, какой именно ритуал был проведен?

– Конечно. Ритуал обмена душ.

– Чужь собачья, – прошипел со своего места Федотов. У него дрожали губы. – Понарисовала там шпана, вандалы эти... Землю разворотили... А вы это в суд тащите... Не стыдно вам, а? – крикнул он в никуда. Конвоир сжал в кобуре палочку.

– Это сложный ритуал, – продолжил свидетель. Он потер между пальцами какую-то побрякушку, висящую на шее, – требующий серьезной подготовки и знаний, конечно же. Начерченная фигура состоит из двух частей, ваша честь. Верхняя – основа руны Одал. Бытует мнение, что ее можно считать и велесовой руной тоже, но тут все зависит от того, какую систему координат принять. Вы же знаете, кто такой Велес? – Ольга несмело кивнула, перед глазами встали уроки директрисы. – Эта руна символизирует род и нужна для того, чтобы обмен состоялся. Совпасть должно много факторов. Если кратко, – кратким свидетель и был, так как не хотел распространяться о запретных знаниях, – то душа должна признать «сосуд», в который ее хотят поместить, так что процесс поиска подходящего тела занимает долгое время.

– Обратите внимание, ваша честь, – подорвался Бобров. – Фотография колдуньи Титовой, – поперек рун материализовалось лицо простоватой волшебницы, такую не запомнишь, даже если столкнешься с ней лоб в лоб, – и фотография гражданки Ушаковой. – Сходство действительно было лицом. – И еще кое-что: они обе погибли в возрасте двадцати двух лет и ста одиннадцати дней.

Вера молчала. Федотов тупо пялил перед собой. В ответ на тишину свидетель решил, что может закончить свой доклад. Он бесцеремонно смахнул с рун лица девушек.

– Посмотрим на нижнюю часть. Руна Чернобога. Кто-то может сказать, что это перевернутая руна Мир, но я предпочитаю сразу смотреть на вещи под тем углом, которым они к нам повернуты. – Он странно усмехнулся. – Здесь все ясно. Руна Шуйного пути, Нави, именно поэтому матка является ее центром. По ней разменная душа должна была из тела выйти, а призванная – войти.

– Скажите, ритуал удался? – спросила Ольга.

– Сами подумайте, лежала бы тогда ваша гражданка Ушакова в морге?

– И почему же ритуал не получился?

Эксперт пожал плечами.

– Сложно сказать, коллегия разошлась во мнениях. Но, как мне кажется, причина была в неточном совпадении «сосудов».

– Что вы имеете в виду?

– Ну, ведь гражданка Ушакова не владела магией, как колдунья Титова. По всей видимости, для успешного проведения ритуала это было существенно.

– Еще вопросы к свидетелю обвинения? – Судья покрепче уперлась ногами в пол и сцепила руки в замок. Нельзя было показывать весь ужас, который она сейчас испытывала, даже просто представляя себе то, что сотворил в ту ночь Федотов.

Вере стоило недюжинных усилий снова собраться. Ольга знала ее едва ли не с пеленок, как знала и то, что бороться она будет до последнего. Вместо слов у нее изо рта вырвался напряженный выдох.

– Ваша честь, я все еще не понимаю, как показания свидетеля обвинения относятся к подсудимому Федотову? Ритуал некромантии... – прения давались ей тяжело, – ...с участием гражданки Ушаковой мог провести кто угодно, и если больше нет никаких улик...

– Я как раз собирался приобщить к делу одну. – Бобров сегодня блистал. – Раз уж мы добрались до лаборатории почвоведов, то решили проверить все, даже пылинки на вороте рубашки, в которой подсудимый Федотов разделывал мясо, а затем и гражданку Ушакову. К счастью, хватило только анализа земли с его калош. – Справка облетела зал суда. – Истощенный чернозем с кровью.

Федотова будто облили воском: он не двигался, не моргал, не дышал, наклонился над горизонтом Пизанской башней. От шелеста бумаг прокурора его повело, конвоиры подхва-

тили его под деревянные конечности и попытались усадить на скамью, но гравитация настаивала на своем и тянула его вниз.

– Ваша честь, сторона обвинения ходатайствует о пере-
квалификации уголовного дела.

Вера распустила собранные заколкой волосы и запустила в них дрожащие пальцы.

– И на какую статью? – У нее не было сил смотреть на Боброва.

– Убийство с целью совершения ритуала некромантии.

Светлая масса воды на глазах темнела и перетекала на левую чашу весов правосудия.

***

Ольга была такой же истощенной, как чернозем на калосах Федотова. Она потеряла счет стаканам с водой, которые влила в себя за последние полчаса.

Бобров гордился: первое дело да еще с некромантией. О том, что без помощи Бржезинской он бы никогда не додумался пройти вниз по реке, он благоразумно нигде не упоминал, но оттого на этого непутевого дебютанта Ольге смотреть было вдвойне противнее. Марк, конечно, обещал проставиться, заранее притащил ей кулек вафельных конфет и клялся быть должным до гроба.

В конце заседания Вера пожала ему руку: она лучше него

понимала, что в суде ищут правду, но оказаться готовой к такой истине было сложно.

Ольга разулась, сбросила с ног туфли, засунула за щеку шоколадную конфету Боброва и позволила себе прикрыть глаза. Федотова ждала смертная казнь, а Ушакову – спокойствие.

А вот ее нет. Голос Меншикова был слышен еще из коридора.

– Оленька, здравствуй. – Князь умудрялся выглядеть бодрым в любое время дня и ночи, чем неизменно раздражал окружающих. – Не помешал?

– Помешали.

– Старался. О, у тебя тут конфетки? – Ольга нехотя подтолкнула к краю стола пакет, но глава разведки шагнул ровно в противоположную сторону и высунулся головой за дверь: – Настенька, сделай чаю, будь так добра. Оль, ты будешь? – Бржезинская не поменялась в лице. – И Ольге Феликсовне сделай. С лимончиком.

– Я надеюсь, ты пришел рассказать, как вы героически поймали Лагожина. – Ольга не без удовольствия наблюдала, как сникла с лица Меншикова улыбка.

– Хотелось бы, Оленька, но не сегодня. – Расстегнув китель, он уселся в только что появившееся из воздуха кресло. – Всего лишь зашел спросить, как у тебя дела.

– Были отлично, Кость.

– Пока я не пришел?

Временами Ольге очень хотелось спросить у президента, чем она думала, когда ставила этого клоуна во главу самой могущественной структуры Союза.

– Пока убийство в пьяном угаре не превратилось в убийство с целью совершения ритуала некромантии. – Константин Григорьевич уважительно закивал, облизывая пальцы от шоколада. – Зато повидала живого некроманта. Из института нашего.

– Да брехня это. – Настя портировала на стол поднос с двумя чашками, Меншиков потянулся к ближайшей и громко прихлебнул чай. – Одни тунеядцы и бездельники в этих кружках готической культуры сидят, Оленька. Какая нахер теоретическая некромантия?

– Какая разрешена, той и занимаются. – Только по этой логике Ольга решила не спрашивать у эксперта, не видел ли он на месте обряда Ушакову. От греха подальше.

– Много ли они в ней понимают? Эти крысы книжные. У нас, вот, тоже свой институт есть, на Франца-Иосифа.

– Прости, Кость, в следующий раз будем из вашего института экспертов звать.

– Позвать-то вы можете, только они не приедут. – Ольга вопросительно выгнула брови. – Они у нас там все слегка невыездные. Это только если вы к нам заедете, госпожа верховная судья.

– Заключение что ли?

– Лучшие из пойманных, редчайшие экземпляры. – Князь

плутовски улыбнулся.

Ольга смиренно вздохнула: что можно разведке, то нельзя простым смертным.

– Чего только не узнаешь, Константин Григорьевич, пока с вами чай пьешь.

– А надо чаще звать, Оля. Слушай, а вкусные конфетки, как называются? – Он подслеповато прищурился. – Алисе такие куплю. – Ольга покосилась на кружку своего непрощенного гостя, надеясь, что чай там скоро закончится.

– Как, кстати, Алиса?

– Замечательно. – Меншиков залпом выпил полкружки. – По тебе очень скучает, каждый день меня спрашивает, как там Ольга Феликсовна. – Ольга не удержалась от усмешки. – Я утром на работу ухожу, а она тебя спит и видит, спит и видит. Я скоро ревновать начну, так и знай.

– Костя, это кошмары.

– Выглядишь правда не очень. – Он поднялся, допивая остатки чая, кресло растворилось в воздухе. – Но мы все равно будем рады тебя видеть. Подарков не надо, только, ради бога, надень хотя бы что-то не черное.

Ольга удивилась:

– А есть, с чем поздравить?

– С Новым годом, дорогая. – Пуговицы кителя сами собой протискивались в петли. – Пока только с этим. В Черемушках праздновать будем. Ваше высокоблагородие тоже приглашены.

– И ты хочешь, чтобы я ночью из Москвы домой пьяная портировалась?

– Нет, конечно, Оленька. – Князь уже вышел за дверь половиной тела. – Я хочу, чтобы ты пьяная ночью в Москве в сугробе валялась. Вместе с министром своим.

– Алексей Петрович будет?

– Обещался.

Глава 3

Это был лес. Такой густой, что между частоколом стволов Елена еле протискивалась. Она шла на звук. Он бился между бровей, там, где Елена пыталась расслышать вроде бы знакомые слова. Ай – ладонь цепанула край зеркала-листа, висящего на тощей осине. Губы тут же вернули кровь обратно в тело, не проронив ни капли. Она настороженно замерла: бестелесный голос, переключившись на нужную частоту, оглушил чашу.

*Будь как дома, путник, я ни в чем не откажу,
Я ни в чем не откажу, я ни в чем не откажу*

Елену грубо выдернуло из сна. За стеной во все горло орала Король и Шут.

*Множество историй, коль желаешь, расскажу,
Коль желаешь расскажу, коль желаешь, расскажу!*

Как бы Елена ни любила «КиШа», время для «Лесника» было совсем неподходящим: три минуты седьмого. Она тихо выругалась и хотела подняться.

– Спи. – Алексей притянул ее обратно к себе. Он-то давно привык спать под эти рок-концерты, которые устраивала его младшая дочь.

Осторожно сняв с себя руку мужа, Елена встала с постели и вышла из комнаты, намереваясь доходчиво объяснить пад-

черице, что утро еще слишком раннее. В коридоре ее встретила Вера. По выражению лица было ясно, что она тоже не в восторге ни от внезапного подъема, ни от музыкального сопровождения.

Зато в восторге были дети: Тихон по-обезьяньи повис на ноге своей тети, пока Миша пытался подпрыгнуть повыше и уцепиться за вторую.

– Давай сейчас, – Юля опустилась на руках ниже, – оп, молодец! Держитесь, ускоряемся.

Елена наблюдала, как младшая дочь ее мужа подтягивается в такт песне с суммарным утяжелением около пятидесяти килограмм живого веса.

– Так, все, слезаем. – Первой не выдержала Вера. – Тихон. – Она выжидающе протянула ему руку, но тот помотал головой и уткнулся лицом в Юлю. – Миша, слезь, Юле тяжело, – попыталась воззвать она, но Миша лишь опасливо посмотрел вниз и сильнее прижался к ноге своей старшей сестры.

– Если бы мне было тяжело, я бы уже его стряхнула. – Юля спрыгнула с турника и потрепала обоих мальчиков по волосам. – Значит, мне не тяжело.

Елена покинула зону напряжения между двумя сестрами. У Юли была зловещая привычка подходить к собеседнику очень близко и заглядывать на самое дно зрачка. Приходилось признавать, что младшую падчерицу Елена побаивалась и старалась с ней не конфликтовать. А для того, чтобы с ней

не конфликтовать, с ней лучше было вообще не контактировать.

– Зато подумать о том, что другие в доме еще спят, тебе видимо тяжело. – Вера сложила на груди руки в обороне. – С приездом, конечно, но шесть утра, Юль.

– Я встала в пять.

– Я рада. А мы по выходным встаем в девять. – Тихон за-
теял играть с Мишей в догонялки между тремя женщинами, Вера затормозила сына возле себя потоком магии. – Или да-
же в десять.

– Мам, я не хочу спать!

– Я тоже! – Миша повторял за Тихоном абсолютно все, и Елена боялась, что от этого он станет таким же приставучим.

– Можно мы с Юлей поиграем, а вы пока поспите?

– Нет. – Вера с Еленой сказали это одновременно, Юля расхохоталась.

– Две наседки. – Она вернулась к турнику. – Не пацаны растут, а неженки.

– А давай ты своих родишь для начала, а потом будешь советы советовать. – Вера отпустила сына, и тот стремглав понесся вдоль балюстрады. Миша, топя босыми пятками, побежал следом.

– Вер, а давай ты от меня отъебешься? – Юля поправила на груди сбившийся от упражнений жетон. – Как тебе идея?

– Вот тебе и доброе утро. – Елена распрощалась с мечтой доспать сегодня до обеда. Юля наконец выключила музыку

и прошествовала мимо них на первый этаж.

– Иди, если хочешь. Я прослежу, чтобы они не подожгли ничего. Она хоть отца не разбудила? – Елена мотнула головой и на предложение, и на вопрос. Какофония вразнобой бьющихся яиц сняла остатки сна как рукой.

Под хохот детей по кухне летал желток. Из стороны в сторону, взад-вперед, вверх-вниз и даже змейкой, он отскакивал от стен и потолка, как резиновый мячик, а потом приземлился в огромную кружку, где его уже ждала вращающаяся со скоростью венчика вилка.

– Надеюсь, завтрак ты на всю семью готовишь? – невесело спросила Вера. Кухня превратилась в свинарник. Елена поразовалась, что не ей предстояло это убирать. Юля вывалила содержимое кружки в сковородку, звучно зашкварчало.

– Себе.

– Пять яиц бахнула? – Вера ногтем подцепила кусок скорлупы. – Эгоистка ты, Юль.

– А что, кому-то из вас тут нужна убойная доза белка? Лене книжки таскать силенок не хватает?

– Тебе б их почитать не мешало, – пробубнила она себе под нос и спровадила Тихона и Мишу чистить зубы. Юля обожала напоминать о ее бесполезности в этом доме, хотя сама приезжала раз в полгода и только и делала, что валялась на диване.

– За собой лучше следи. – Вера была очень сдержанным человеком, но сестра выносила ее на раз-два.

– А кто тогда будет следить за границей Союза, ты что ли?

– Даже Меншиков с этим не справится лучше тебя. – На пороге кухни стоял Алексей. Его строгая маска не могла не дрогнуть, когда Юля, вручив Вере лопатку, повисла на шее у отца.

Юля почти не бывала дома, на службе редко давали отпуск, да и тот был недолгим. То, что ей удалось вырваться домой к Новому году, было праздничным чудом. Обычно в такое время, под аккомпанемент всеобщего пьянства и совместного похмелья, обязательно что-то происходило, так что какой-нибудь солдатик все равно сегодня будет слушать бой курантов на границе вместо Юли.

Миша самолетом залетел на кухню. Он самозабвенно рассекал перед собой воздух чем-то длинным. Елена ухватила сына за руку.

– Где ты это взял?

– У Юли в комнате.

– Ну-ка, отдай. Это опасная вещь.

– Да ладно. – Волшебная палочка легко выскользнула из влажных детских ладошек и оказалась за поясом у Юли. Она грохнула тарелкой по столу и села напротив Елены. – Что он ей сделает? В ухе поковыряется?

– А ты предлагаешь подождать, пока он себе ей глаз выколет? – В волшебном мире палочки позволялось носить только правоохранителям. Елена пришла к такому выводу из личных наблюдений: ни у Веры, ни у Алексея палочек не

было.

Юля закидывала в рот омлет совершенно спокойно.

– Да что ты орешь, у него даже магии еще нет.

Алексей приобнял дочь за плечи.

– Юль, в самом деле, не разбрасывай свои вещи и запирай получше комнату, Тихон быстро учится.

Миша забрался на колени к отцу. Говорил он шепотом:

– Пап, а когда я вырасту, мне можно будет держать такую палочку?

– Если станешь как я, то да. – Юля подмигнула брату и недобро проводила взглядом вазочки с печеньем, которые поставила на стол Вера. – Поменьше слушай маму и будет у тебя палочка.

Вера стукнула перед носом у сестры хрустальной конфетницей.

– Достаточно вредных советов для одного утра.

– Да ладно, зачем еще нужны тети и старшие сестры?

– Чтобы подавать пример?

– Уже подала, ребенок хочет в разведку. – Юля махнула рукой в сторону Миши, который крошил печеньем отцу на колени. – Слушайте, я полтора года провела в зоне конфликта, можно хотя бы дома на меня никто не будет нападать?

– Как у вас в части сейчас? – Елена всегда поражалась спокойствию мужа. Вот и теперь: не было еще семи, а он уже умудрился спустить дочери с рук хамство и завести разговор о войне. Шла Вторая чеченская. Подруга ее матери недавно

осталась вдовой, правительство к праздникам прислало коробку тушенки и сладкие подарки детям, но то были немаги. Как в этой войне участвовали волшебники, Елена не спрашивала – не хотела узнать, что они ее развязали.

– Ничего, мои все целы. Обсуждают дело Лагожина, он, как обычно, на пике популярности.

Вера громко хмыкнула.

– В упор не помню, как он выглядит.

– В школе ты для него была старовата. – Магия Веры слегка толкнула кружку сестры к краю, но Юля умудрилась ее поймать. – Да и к тому же, кто знает, в виде кого он мог с тобой разговаривать. Помнится, ты с Ледовым любила мило беседовать.

– Чушь несешь, Юль.

– Что, разве не ты там по Лисам фанатела, а? Что ж тогда тебе такой худородный Конь достался?

– Заткнись.

Посуда задрожала от раздражения Веры. Елена тоже дернулась, заперевивала, что сейчас у них на кухне развернется еще одна война, но в нее вовремя вмешалась третья сторона:

– Ваш Меншиков скоро его портретами весь Союз обклеит, даже немагам в розыск передал. Так что не переживай, Вер, еще насмотришься на предателей.

Этот взгляд Юли был самым суровым за сегодня.

– Паша, может, и дезертир, но он точно не предатель.

Алексей устало вздохнул и передал сыну еще одну конфе-

ту. За шуршанием фантиков не было слышно взрослых разговоров.

– Приговор уже вынесен.

– Ага, видела. Во все части разослали. Но я его со школы знаю. На кой черт ему предавать Союз?

– Вспомни Николая Александровича. Он вообще сейчас должен был сидеть на месте Меншикова. А потом взбрендило ему в голову, что нам нужна война с... – Алексей осторожно покосился на жену.

– Да Паша не Коровьев, срать ему на штизелей! – взорвалась Юля.

– Мне просто интересно, ты всех, с кем спала, так защищаешь, или Лагожин особенный?

Алексей стукнул чашкой по столу и строго посмотрел на старшую дочь – даже его терпению был предел.

– Вера...

– Нет, Вер, только тех, кто беспрекословно отдает всю свою жизнь народу Союза.

– И что, ты не выполнишь приказ, если представится возможность?

– Разумеется выполню. – Юля встала из-за стола и отправила пустую тарелку в мойку. – Но с большим сожалением. Приятного всем аппетита.

Политика и дела государства были для Елены темным лесом. После того, как она перебрала старый родительский телевизор, и он снова начал разговаривать, ориентироваться

в пространстве стало легче – то, что передавали по Первому, часто перекликалось с заголовками «Союзного вестника». Елена столкнулась с этим буквально через год после свадьбы. Южный федеральный округ тогда чуть не остался под водой. Чудовищное наводнение, с которым не могли справиться даже спасатели-волшебники. Выяснилось, что стихия умеет приобретать разумные формы – у рек были хранители, и они активно выражали свое недовольство, если их лишали жертв. Жертв было достаточно: лицо лучезарного кудрявого юноши в некрологе запомнилось Елене надолго – он отказался оставлять немагов и ценой собственной жизни вывел их из зоны подтопления. Но таким благородством могли похвастаться отнюдь не все волшебники.

Про некоего Коровьева Николая Александровича она слышала с регулярной периодичностью, хотя его имя будто было не принято упоминать всуе. Елена вообще не должна была его знать, но Алексей часто думал вслух. В Союзе все молча знали, о чем идет речь, и продолжали молчать. Его окрестили предателем. Он виделся Елене то Искарриотом, то Брутом, потом она стала более реалистично сравнивать его с Мазепой, хоть точно и не знала, в чем заключалось его страшное преступление – говорили, его казнила сама президент.

– Леша, – Елена позвала мужа, он сидел в кресле перед зеркалом и сосредоточенно завязывал галстук.

– Что такое? Помочь с платьем?

Еще с вечера Вера помогла ей разгладить шифон и даже исправить случайно прожженный утюгом подъюбник старого платья подружки невесты. Магия была мечтой любой домохозяйки.

– Нет. Хотела спросить.

– Скоро своими вопросами доберешь до ученой степени. – Алексей усмехнулся, оборачиваясь.

Елена проглотила невинную шутку мужа и заставила себя улыбнуться. О том, как ее это задевает, Алексей не догадывался. Она присела рядом на подлокотник.

– Так что ты хотела узнать? – Он заботливо перевернул пояс на ее платье.

– Все эти преступники, Лагожин, Коровьев... Что они сделали?

– Не переживай, тебя это никак не коснется, – уверил ее Алексей, хотя заметно помрачнел. – Их казнили или... казнят.

– Я знаю, но у них же была какая-то цель? – Елена пыталась подступиться к этой теме осторожно, хотя видела, что муж отвечать не хочет. – Свергнуть власть, захватить мир, устроить геноцид?

– Лена, не делай из них нацистов, – отрезал Алексей строго. Лучше б таким тоном он разговаривал со своей младшей дочерью. – У всех свои амбиции. За не слишком здравые отправляются в тюрьму.

– А кому тогда выносят смертный приговор?

– Предателям родины. – Он встал и снял со стула пиджак. – Это все, что я могу тебе сказать. Не нервничай попусту.

– А, ну хорошо. Если мою семью возьмут в трудовое рабство, я не буду переживать.

В попытке пошутить Елена поняла, что погорячилась. Алексей ошарашенно поставил на нее глаза.

– Лен, что ты несешь? Ты откуда это взяла? – Елена невольно потупилась. – Никто не желает немагам зла.

В институте ее научили не доверять информации, которая не может быть доказана или опровергнута. А мать научила не верить сильным мира сего. Доверять одинаково не хотелось и родным немагам, и чужим волшебникам. От последних она вообще не знала, чего ожидать.

– Ну а этот разведчик, про которого все говорят. Он ведь все еще на свободе?

– Лагожин сам себе на уме. Бог знает, что у них там случилось с Меншиковым, но могу тебя уверить, что геноцид он устраивать не будет.

Если родиной считать кафедру анатомии, то и сама Елена, честно говоря, оказалась ничуть не лучше дезертира-Лагожина: испугалась, когда мать наобещала страшных бед в совместном с «дурной наукой» будущем, по материнскому же наущению выбрала достаток, мужа, ребенка, а кандидатскую забросила. И стала самой настоящей предательницей. Сбежала в Союз, в котором все жили почти одинаково хоро-

шо. И это пугало.

После беспокойного завтрака и чуть менее взрывоопасного обеда, который пришлось устроить лишь потому, что встали они ни свет ни заря, Алексею совершенно не хотелось спорить еще и с женой. Черты его лица смягчились, он взял ее за руки.

– Да чего ты так распереживалась? Сегодня Новый год.

– Я думала, ты захочешь встретить его дома. Юля приехала, все в сборе.

– Константину Григорьевичу сложно было отказать. – Между словами она услышала сожаление. – Вернемся к детям до полуночи, хорошо?

– Хорошо.

– Ну что, готова?

Елена кинула последний взгляд в зеркало. Она чувствовала себя нелепо: платье казалось чересчур броским, украшения и прическа – слишком вычурными. Белый халат и шапочка были привычнее. Она вздохнула, поджав губы. Алексей обнял ее и поцеловал в висок.

– Ты прекрасно выглядишь. – Она смущенно улыбнулась. Елена знала, что хорошо выглядит, но сейчас предпочла бы стать невидимкой. – Идем.

Необходимость в зимней обуви и верхней одежде удачно отпадает, когда достаточно сосредоточиться на координатах точки и совершить гиперпрыжок в пространстве. Ровно из собственной прихожей в чужую. Елена портации не любила,

но когда речь шла о таких больших расстояниях, то предпочитала секундное неудобство двум с половиной часам в самолете. Алексей ослабил объятия, и Елена позволила себе открыть глаза. У нее всегда закладывало уши, и еще полчаса после портации болел затылок, но сейчас она думать забыла и о том, и о другом: они очутились посреди широкого двора с круглым цветником, покрытым сахарной глазурью искрящегося снега, в центре которого бил светом и фейерверками изящный фонтан. Елена не чувствовала холода, хотя снежинки падали на землю медленно и ровно, и шапки сугробов покоились на усопших до весны кустах сирени. Она подавила восторженный возглас. Разумеется, это была магия. Здесь все было магией. Кроме четырехколонного фасада дворца, к которому они неспеша направлялись.

– Ты говорил, нас приглашают на дачу, – неуверенно проговорила Елена, продолжая осматриваться. Ей совершенно ни к месту пришла в голову мысль, что если бы она действительно охотилась за богатством, ей стоило выбирать не Алексея, а Меншикова.

– Так и есть. – Муж удивленным не выглядел. – Если называть дачей тот дом, в котором ты не живешь, но приезжаешь в него для отдыха.

– Боюсь себе представить, как выглядит тот дом, где Константин Григорьевич живет...

– Гораздо скромнее нашего. – Они поднимались по ступеням в радушно открытые двери усадьбы. – В Медной горе

особо негде развернуться на широкую ногу.

– Зато всегда можно доползти до постели с работы.

Елена нахмурилась, готовая просить дворецкого не преграждать им путь так резко, но Алексей, отпустив ее локоть, протянул ему руку.

– Константин Григорьевич, благодарим за приглашение.

– Всегда рад, Лешенька, всегда рад. Как вам у нас? – Сухой невысокий мужчина в простом пиджаке, похожем на старый мундир из-за воротника стойкой, обвел глазами сени. – Моим квартирантам не до ремонта, но я их всегда убедительно прошу не портить отделку. Вчера, вон, – он указал пальцем куда-то вверх, и один из кружащих по дому световых шаров подлетел под потолок, – лепнину с Алисой реставрировали, как новенькая.

– Вы у нас на все руки мастер, Константин Григорьевич. – Алексей приобнял супругу за талию. – Хочу вам представить, моя жена – Елена.

Меншиков просканировал ее беглым взглядом с головы до ног, но остался доволен.

– Прекрасная или Премудрая? – Он протянул ей ладонь для рукопожатия, жеманство у магов было не в чести.

– И то, и другое, – не без гордости ответил за нее муж, пока Елена старалась смотреть в глаза хозяину максимально твердо.

– Крепкая рука! – восхитился он. – Какой дом заканчивали?

– Анатомический, – без тени улыбки выпалила Елена, но прямолинейность сыграла в ее пользу. Меншиков резко рассмеялся, но после также резко посерьезнел:

– Люблю женщин с юмором. – Движением руки он пригласил их войти в комнаты. – У меня Алиса на филолога учится, целыми вечерами слушаю журчание романской речи.

Гости не торопились появляться, и главная зала была еще наполовину пустой, так что Елена имела возможность получше ее рассмотреть. Без лишнего лоска и блеска, подчеркнутой роскоши и оригиналов восемнадцатого века: простые светлые стены оттеняли аристократией лишь скульптурный фриз вдоль карниза и грушевая мебель, главным же украшением дома была, конечно, магия. По залу летали огромные стеклянные шары с миниатюрными копиями всех крупных городов Союза, чьи крошечные обитатели готовились встречать, встречали или уже встретили Новый год. Елена пыталась обойти их все, но сбилась со счета и многие города, к своему стыду, даже не узнала.

– Минск, Киев, Ташкент... – Столицы пятнадцати республик обязан был знать каждый школьник в СССР, но Елена слишком давно учила географию. – А это? Баку?

– Казань. – Алексей развернул шар другой стороной и указал мизинцем на лазурный купол мечети Кул Шариф. – Хочешь, съездим туда как-нибудь?

– Надеюсь, по дороге домой захватите парочку радикальных исламистов, Алексей Петрович. – Елена обернулась на

резкий голос. По ту сторону «Казани» стояла широкоплечая рослая женщина в не слишком праздничном строгом костюме.

– Марина Дамировна! – не без удивления воскликнул Алексей, протягивая ей руку. – Не думал, что вы составите нам компанию.

– Вырвалась на пару часов. – Женщина, не переставая, хмурилась, отчего походила на хищную птицу. Под глазами у нее залегли глубокие тени. – Война войной, а Новый год по расписанию.

– Лена, разреши представить: Марина Хамидова – министр обороны Союза. – Елене показалось, что у нее в кисти что-то хрустнуло, настолько жестким было это рукопожатие.

– Очень приятно, а вы, я так понимаю, супруга Алексея Петровича?

– Так точно, – выпалила Елена. – Приятно познакомиться.

– Вынуждена вас покинуть. – Хамидова обвела взглядом залу и выбрала, на какую жертву спикировать. В три длинных шага она оказалась у другой стены зала, заставив вздрогнуть коренастого мужчину в вязаном кардигане.

– Министр обороны?.. – запоздало осознала Елена.

– Не удивляйся, здесь все гости в том или ином чине. – Алексей стянул с летевшего мимо подноса тарталетку с крабовым салатом. – Ну или в чине друзей и родственников светлейшего князя.

– Почему ты его так называешь? – Она отшатнулась от

летевшего мимо Кишинева. Алексей усмехнулся, утирая с губ соус.

– Потому что это его титул. Светлейший князь Меншиков Константин Григорьевич.

– Я думала, их всех перестреляли.

– Тише. Про это здесь лучше не заикаться. – Алексей заозирался и, убедившись, что хозяин дома их не слышит, подал Елене бокал шампанского. – В тридцать девятом Сталин расстрелял четверть сотни Меншиковых, спасли только детей младше девятнадцати, спрятали в школе.

– Кошмар какой. Что они ему сделали?

– Их было много. И они держали очень много власти. – По лицу Алексея было видно, что ему не нравится об этом говорить. – Только когда Константин Григорьевич стал директором разведки, они вернули влияние. Сейчас он глава дома, хотя по всем правилам им должен быть Игорь. – Он кивнул в сторону молодого высокого мужчины, который как раз нес из соседней залы коробки с елочными игрушками. Вернее, они летели за ним следом. – Но старшая тетка решила все переиначить.

Елена запила двумя большими глотками набитую оскоми-ну: любая на ее месте была бы счастлива попасть в эту сказку, где есть князья и замки, где женщина с орлиным носом занимает пост министра обороны в разгар Чеченской войны, где в крабовом салате были крабы, где не было нужды в при-слуге, потому что кухня готовила блюда сама. Она выигра-

ла в лотерею, вытащила счастливый билет, но не могла его обналичить. Елена сжала свой бокал с такой силой, что хрусталь треснул.

– Осторожно. – Алексей провел пальцем вдоль трещины, и она тотчас затянулась, будто ее и не было.

– Осторожно! – Разлетелся по залу чей-то возглас, и все невольно обернулись в сторону его источника.

Елена ахнула и чуть не выронила только что восстановленный бокал. К вершине новогодней ели, оттолкнувшись от пола ногой, воспарила девушка.

– Я же сказала, что он стоит криво, – крикнула она вниз и вручную подровняла рубиновый шпиль.

– Алиса, спускайся, мне страшно.

– Тут, кстати, есть еще место для цветов, – проигнорировала она просьбу подруги и подняла к себе наверх еще и соцветие пуансеттий. – Вот так.

Довольная своей работой, Алиса левитировала вниз. Столпившиеся у подножия елки зрители расступались, и только один человек оставался на месте, с усмешкой глядя наверх.

– Посторонись, раздавлю!

– Да кого ты раздавишь, – Меншиков протянул руки к, по всей видимости, дочери, и бережно спустил ее на землю, – ласточка.

Девушка рассмеялась и совсем не по-детски поцеловала мужчину, который годился ей не просто в старшие братья, а

в отцы. Елена смутилась и повернулась к Алексею в поисках поддержки.

– Княгиня Меншикова, – коротко кивнул он в сторону невзрачной барышни, которая теперь о чем-то смеялась с гостями. – Алиса Кирилловна.

– Да он же ей в отцы годится...

– Да, – согласился Алексей и задумчиво почесал подбородок. – Прямо как я тебе.

Елене пришлось прикусить язык. Разница в возрасте у них с мужем была почти в двадцать пять лет, но даже больше, чем этот факт, общественность обычно возбуждала информация о том, что Вера была младше своей мачехи всего на десять месяцев. Еще и внук у Алексея был старше младшего ребенка, но в этом обсуждении чета гораздо чаще смущенно выслушивала похвалы репродуктивному здоровью.

Время близилось к девяти, гостей в усадьбе появлялось все больше. Елена зря беспокоилась, что будет выглядеть слишком ярко на фоне прочей публики. Напротив, становилось понятно, что ее наряд был недостаточно роскошен для мероприятия такого значения. Нежно-зеленый шифон ее платья тонул и блекнул на фоне дорогих тяжелых тканей и фасонов, которые выбирали для торжества колдуны и колдуньи. Чего только стоил винного цвета костюм на хозяйке вечера: удлиненный жакет с широкими плечами на хрупкой Алисе смотрелся изящно и статно, гораздо лучше, чем если бы она решила одеться во что-то более подходящее ей по

возрасту.

– Кто же так играет со своим будущим, Игорь? Какая конская черта. У меня двоюродная прабабка за такое страшную цену заплатила, а ты нарочно.

Хрипловатый, прокуренный горным акцентом голос отвлек и развернул Елену в противоположную сторону. Она уткнулась взглядом в пышногрудую горделивую женщину – на ее шее, пальцах, кистях и ушах, казалось, покоился весь золотой фонд России, длинные черные волосы, без единой сединки, были туго затянуты в высокий хвост. Всем своим широким лицом она обращалась к девушке с химзавивкой, той самой, что предостерегала Алису от падения:

– А ты, дорогая, чем думала? Хочешь ребенком от судьбы откупаться? – Несчастливая испуганно сложила руки на животе.

– Тамара Зурабовна, ну зачем так пугать-то, – запричитал Меншиков. – Зато у Игоря с Таней по любви, это лучше.

– А вы сами-то, Константин Григорьевич, надеюсь, по всем правилам женились? – Елена стушевалась от взгляда этой женщины, но не хозяин дома.

– Конечно, дорогая Тамара Зурабовна, – улыбнулся он. Колдунья чуть смягчилась от его ответа. – У вашего красавца судьба уже тоже, полагаю, есть? – Меншиков кивнул куда-то в сторону.

– Конечно.

– И как она?

– В этом году должна пойти в школу. – Елена вздрогнула, когда темный угол, на который кивнул Меншиков, ответил на вопрос тяжелым баритоном. Ей пришлось запрокинуть голову, чтобы хоть как-то разглядеть лицо стоящего в тени колдуна, но ничего, кроме насупленных густых бровей и крупного носа в материнскую породу, Елена различить не смогла.

– Я считала по звездам, она где-то в Курской области живет. Хотела ее проведать, познакомиться. Но Вардан сказал, что в таком случае вообще никогда не женится.

– Вардан, не разбивай маме сердце!

– Я всего лишь хотел оградить ребенка от преждевременного общения с потенциальной свекровью. – Из того же угла хохотнул другой высокий силуэт. Видимо, потенциальный свекр.

– Ну это ничего, скоро сам сможешь наблюдать за ее академическими успехами.

– Как славно, что боевая магия начинается только с четвертого курса.

– А вдруг она будет на Воронах?

– Тем лучше, я курирую старшекурсников.

Поднос с шампанским затормозил у Елены перед носом и закрыл обзор на весь волшебный колорит. Она осторожно стянула бокал, боясь опять повредить хрустальную посуду. Поднос отдал швартовы и взял курс на колдунью в соболиной горжетке.

– Какой-то ужас, – призналась Елена.

– Что именно? – не понял Алексей. – Шинские?

– А они кто? Тоже все министры или родственники князя? – Она нахмурилась, когда муж встретил ее вполне серьезный вопрос смехом.

– Не думал, что ты так буквально воспримешь мои слова. Нет, Шинские в Хаптай-Агдун боевую магию уже какое поколение преподают. Я у Виктора Васильевича учился, – который сейчас щедро подливал Меншикову коньяк, – да и Константин Григорьевич тоже. Вардан на место отца пришел. Говорят, талантливый.

Елена пригубила бокал. Ей вдруг представилось большое кино, световые мечи и все эти спецэффекты, которыми режиссеры пытались раскрасить плохие сюжеты. Она смутно представляла себе бой магов и не хотела бы увидеть это воочию. Сейчас ее волновало не это.

– Но как можно решать за ребенка, на ком ему жениться или за кого выходить?

– Это странная традиция, я согласен. – Алексей с пониманием кивнул. – Но многие старые волшебные семьи верят в то, что судьба человека скрыта за временем и местом его рождения. Я в нумерологии никогда особо силен не был, но путем каких-то манипуляций из даты и места рождения одного человека можно получить дату и место рождения другого. Такие пары считаются «судьбой».

– И что, это правда работает?

Девчонки в общаге на вопрос о судьбе обычно тасовали карты из ларька с пивом и выкладывали одного из четырех королей, какой первый попадется. Вот тебе бубновый – перепадет молоденький, а если пик – то непростой будет, коварный. Вот Меншиков был похож на короля пик, Алексей был трефовым.

– Наверное. Большинство из них не рискует жаловаться на судьбу.

– Чушь все это. – Изумрудный гарнитур, идеальная волна напомаженной челки, изогнувшиеся в ухмылке красные губы. Взгляд цеплялся за каждую деталь образа подошедшей волшебницы. – Простите, не собиралась подслушивать ваш разговор. Катерина Ольхова, тетя Татьяны, если вы уже успели с ней познакомиться. – Елена несмело обернулась на испуганную худенькую колдунью. Ей бы тоже не мешало плеснуть коньяка. – А вы?.. Голицыны-Мартыновы? Ореховое бюро второй половины восемнадцатого, верно?

– Удивительная память, Катерина Львовна. Все верно. Алексей.

– Елена. – Она уже знала, что надо делать, так что несильно пожала мягкую руку с аккуратным маникюром. – Так о чем вы начали говорить?

– О том, что это чушь, что твоя судьба заложена в твоих числах. Я вышла замуж за свою судьбу, и это были самые ужасные годы моей жизни. – Волшебница непринужденно поправила прическу. Женщин, похожих на нее, Елена видела

в модных журналах, которые мать выписывала, если что-то оставалось с зарплаты.

– Ну что вы, Катерина Львовна. Кто знает, может, вашей судьбой было не выйти замуж, а развестись?

Сырные тарелки сновали по зале болидами. Катерина, решив отсрочить ответ, вежливо улыбнулась и протянула руку к ближайшей, но чьи-то бледные длинные пальцы первыми ухватили нанизанный на шпажку ломтик камамбера.

– Да, и отсудить при разводе половину состояния бывшего мужа, – ответила их обладательница.

– Поверить не могу, он и тебя заставил прийти?

Ольга позволила себе улыбнуться и обняла Алексея.

– Застал врасплох после суда, у меня не было сил отбредаться. – Она кивнула Елене, вид у нее был недовольный. Впрочем, как и всегда.

– Продолжаете расторгать «судьбы»? – Ольхова в большей степени походила на царственную особу, чем кто-либо еще в этом зале. Ольга не могла разобрать, было ли дело в манерах или это шляпка с вуалью напоминала корону. Ее прямой спокойный взгляд выжидал ответа.

– Уже нет. Теперь восстанавливаю справедливость для тех, кому судьбу сломали.

– Ольга Феликсовна у нас любит брать дополнительную нагрузку.

– Если я не буду брать обычные дела, то умру от скуки, Леш. У нас общины крайне редко между собой судятся.

– Вы ведь стали верховной судьей? – К чести Елены было то, что она легко соображала.

– Почти четыре года как, – с гордостью ответил Алексей. – Вера жалуется, Оля никому спуска теперь не дает.

– Как она? Еще переживает из-за процесса?

– Как тебе сказать. Конечно, переживает. Она бы не взялась защищать Федотова, если бы знала, что он наделал.

– Вы о деле некроманта? – неожиданно встряла Катерина.

– А вы осведомлены? – Ольга вопросительно выгнула бровь.

– Матвей что-то рассказывал. Матвей Ольхов, адвокат.

– Ваш брат?

– Нет, сын.

– Жуткое дело. Убить одну женщину, чтобы воскресить вторую.

– И в итоге не преуспеть.

– Храни меня Фемида, кого я вижу! – Ольга прикрыла глаза и сделала глубокий вдох, только потом повернулась. Меншиков был пьян, хотя для большинства присутствующих этот факт мог быть совсем неочевидным. Выдавали зрачки, слишком лихо блестели.

– В ваши края Фемида не заглядывает, Константин Григорьевич.

– Но ты все равно здесь.

– Только ради Алисы.

– Ой, Алиса подождет, – отмахнулся он. Его ладонь ловко

нырнула под ее локоть. Он уводил Ольгу в сторону подозрительно твердой походкой для того, кто вылакал напополам с Шинским бутылку армянского коньяка. – Ты мне лучше скажи, как там дело Мироновой?

– Никак, поставила заседание после праздников.

Ольга терпеть не могла разговоры о работе не на работе, но Меншиков был на службе денно и ночно, в будни и праздники, пьяный и трезвый.

– А как бы нам так сделать, чтоб это заседание было последним? Ананасик? – Она покачала головой. – У Марины Дамировны сейчас так много дел, война, сама понимаешь, так что разобраться с мудаком, который ей чуть не угробил целый отряд элитных бойцов, хотелось бы поскорее. Не то она развяжет войну еще и с Польшей. – Меншиков смачно чавкал ананасом. – Чтоб они этого Гавчикова выдали.

– Тявкина.

– Ну да, его самого. Так что, сможем так сделать?

– Знаешь, Костя, ты тут у нас по своим законам живешь, вот сам по своим законам его из Польши и вытаскивай. Может заодно и Лагожина там найдешь.

– Да я его голову Деду Морозу заказал и очень расстроюсь, если утром не найду ее под елкой. – Князь жестом приманил к себе поднос бутербродов с икрой. Решил заесть весь алкоголь, который успел в себя влить. – Эй, Марин! – Он оторвал Хамидову от выклевывания глаз несчастному министру образования. – Марин, тут Оля не хочет твоему Собакину вы-

делять личную будку.

– Так Миронову Лагожин убил, с чего мне Тявкина сажать?

– Вот вы, Константин Григорьевич, Лагожина казнить хотите, а я наградить, – вставила Хамидова. – Если б не он, сейчас бы куковала на границе рота инвалидов.

– Слушай, не начинай, я все его заслуги перед отечеством знаю, но он даже с ними сволочь порядочная. Вот секретаршу зазря убил, лучше б самого Тявкина грохнул. Сейчас бы проблем не знали.

– Я еще потрясу МИД, но, Ольга Феликсовна, с вашим приговором достать Тявкина из Польши было бы куда легче. – Хамидова, в отличие от Меншикова, не заискивала.

– Вот бы было б хорошо, Марин, если б нам их в сцепочке привезли, а. И Тявкина, и Лагожина разом. – Меншиков пихнул им обеим в руки по бокалу шампанского. – Выпьем за новогоднее чудо.

Он одним глотком влил в себя бледно-золотистое веселье. Ему всегда было весело людьми крутить. Ольга даже не пригубила, ей бы воды. Она незаметно пристроила свой бокал на край подоконника. Собрать вокруг себя всю верхушку и аристократию, кормить их дорогими деликатесами, умасливать выдержанным алкоголем и грубоватыми шутками – в этом был весь Меншиков. Ему самому, несмотря на титул, до аристократического воспитания было далеко. В подтверждение своим мыслям Ольга глазами нашла Ольхову, кото-

рая сейчас наслаждалась одиночеством под «Березовой рощей» Левитана.

– Костя, я уже ответила. Я не буду вешать на человека убийство, которое он не совершал. Каким бы уродом он ни был. Нужен приговор? Ладно. Собери документы, найди свидетелей, посади его на скамью подсудимых. *Лично*. Чтоб я ложь на его лице видела до того, как он ее скажет. И я осужу его по своим законам. Слава богу, пока мы по ним живем.

– Ой, не сомневайся. Только на твоей честности Союз и держится. – Он запил ожидаемый отказ полагающимся ей шампанским.

– Извините, Марина Дамировна. Не могу ничем помочь. У вас свой долг, у меня – свой.

Хамидова насупила брови и коротко кивнула. Была не согласна с ее решением, конечно. Ольга знала: один раз пойдешь на поводу – потом тебя всегда будут пользоваться. Потому она и не давала слабину, не упрощала никому жизнь. Закон есть закон.

Безвкусица есть безвкусица. Ольховой и ее шляпке с вуалью не шли русские пейзажи. Ольга бы предложила ей переместиться в угол с лепниной, пока его не занял для очередных переговоров государственной важности Константин Григорьевич.

С траектории ее сбил бледненький шифон. Елена подняла на нее привычно недобрый взгляд, Ольга ответила тем же.

Она отпросилась у Алексея подышать воздухом. Хотя ей

не пришлось затягивать себя в корсет, в отличие от милой Татьяны, все равно в зале было душно. Таня для знатной волшебницы оказалась крайне кроткой и доброй, с любовью в глазах рассказывала о недавней свадьбе и муже и не очень-то сокрушалась, что по числам они не сходятся. С ее мужем Елена поговорить не успела, но даже внешне впечатление Игорь производил именно то, какое создавала о нем его жена. Елене даже стало жаль, что штурвал перехватил другой Меншиков, но решила, что дела аристократических семей ее не касаются.

Она и сама теперь была частью одной из таких, ощущалось это самозванством. Кто дал право бывшему пролетарию носить двойную фамилию и не замерзать в минусовом декабре в платье без рукавов?

На балконе было тепло, как внутри, но, запрокинув голову, можно было добраться до свежего воздуха. Можно было, если бы он не перебивался крепким табаком. Хуже этой вони для Елены были только двухдневные дохлые курицы, которыми несло с кафедры физиологии животных. Она огляделась в поисках источника дыма.

Мужчину, облокотившегося на балюстраду, заметить было сложно. Он молча стряхивал пепел с тлеющей сигареты. Елена не видела его ни разу за вечер, не то бы точно запомнила. Мужчина счел неприличным тушить окурок о каменную тумбу, в его пальцах он превратился в огромную снежинку, которая полетела прямо в жерло искрящегося фонтана.

Он отряхнул ладони и обернулся. Глаза Елены расширились от удивления.

– Что? – в лоб спросил мужчина.

Еще сегодня утром она вспоминала это лицо, только на фотографии взгляд был чуть более добрым, а волосы куда более кудрявыми.

– Я вас видела. – Мужчина в ожидании поднял брови. – В некрологе.

– Понятно.

Между его зубами оказалась новая сигарета. Он вежливо протянул пачку и ей. Елена не курила.

– Как это вообще возможно?

В ответ мужчина затаился и задумался. Мыслями он был далеко от этого места, где обсуждали магическую политику и свадьбы по звездам.

– Когда увидел ту газету, тоже себя спросил.

– Так это что, какая-то ошибка? – недоумевала она.

– Ошибка. – Он снова замолчал и ушел внутрь себя. По его лицу прошла мимолетная гримаса чего-то, что было сложно выразить словами. – Ошибка в том, что меня здесь быть не должно.

После третьего бокала шампанского чувство юмора Елене начало отказывать. Она не знала, насколько в волшебном мире нормально видеть мертвых людей, поэтому надеялась, что это была лишь фигура речи. Мало ли, кого здесь быть не должно? Ее здесь тоже быть не должно, но вот она тут, дела-

ет вид, что ей интересно слушать, кто на ком женился, кто кого убил и кто куда бежал. Так что Елена решила воспользоваться первой интересной за вечер ситуацией и проверить плотность этого «призрака» на ощупь. Неживой взгляд мужчины остановил ее ладонь в сантиметре от его плеча.

Ручка балкона пронзительно скрипнула.

– Тихомиров! Я тебя везде ищу. – Меншиков был вездесущим чертом. – Так, Илюша, курить – здоровью вредить, сюда давай. – Он бесцеремонно забрал изо рта мужчины тлеющую сигарету и кинул во двор. – Не видел, чтобы ты за весь вечер что-то ел. Держи салатик. – В руках у названного Ильи оказалась целая миска оливье. К удивлению Елены, тот не стушевался и отправил себе в рот ложку с горкой майонезного салата. – А это, Илюшенька, жена нашего Алексея Петровича, – приобнял ее Меншиков за плечи. – Себе жену присмотреть не хочешь? Тамара Зурабовна там как раз судьбы раздает.

– А за Европой тогда кто присматривать будет? – спросил Илья с набитым ртом. Меншиков задумался.

– Верно подмечено. – Он развернулся к Елене. – И все же, душенька, позвольте мне угадать. Вы с Зайцев, да? Душок тот.

Елена скривилась от того, что волшебники отказывались принять на веру отсутствие у нее магии и продолжали докапываться до несуществующей правды.

Илья вытер рот тыльной стороной ладони и вручил тарел-

ку обратно в руки Меншикову. Салата убавилось наполовину.

– Константин Григорьевич, очень вкусно, но я пойду.

– А как же десерт, Илюш?

– Меня мама дома ждет. У нее последнее время на одного сына меньше, сами понимаете.

Меншиков понимающе закивал, пока Елена думала, какой душой она, наверное, все это время выглядела в глазах Ильи.

– Тогда сейчас с собой завернем. Маме привет.

Снова оказавшись во всей этой волшебной пестроте, Меншиков моментально потерял к ней интерес и ушел, даже не откланявшись. В окно Елена видела, как огромными шагами Илья пересекает двор и в долю секунды портируется куда-то. К маме. Он был единственным, кто оказался достаточно честным с хозяином вечера и обошелся без натянутых улыбок – она с трудом могла вообразить ее на его лице, а не его брата.

Ее муж тоже был предельно честен, когда во весь голос смеялся с Ольгой. Алексей и Ольга были друзьями задолго до того, как они с Еленой поженились и вообще познакомились. И она никогда не видела, чтобы он обсуждал с ней что-то с таким же пылом, захлебывался в словах, махал руками.

Сказать честно, после ночных бдений в окружении скелетов Елену мало что пугало, но Ольге это удавалось: своей чернотой, острыми линиями и взглядом, которым можно

было заставить сознаться во всех преступлениях. Елена поняла, что жуёт губы и сейчас съест и без того бледную помаду. Она нашла в себе силы подойти.

– Леша.

– Да? – Он не сразу понял, кто отвлек его от разговора.

– Домой пора, ты Мише с Тихоном обещал.

– Неужели так время летит? – Он сверился с карманными часами. – Оля, извини. Дети есть дети.

– Понимаю. – Ее бледное лицо не порозовело даже от алкоголя. – Тогда передай своим девочкам поздравления от меня, хорошо?

– Вот сама к нам на Рождество зайдешь и передашь, а то потом у Юли заканчивается отпуск. Ты же не против принять у нас Ольгу Феликсовну, милая? – Елена неохотно покачала головой.

– У меня работы удавиться просто, Леш.

– Слышать ничего не хочу.

Рассыпаться в любезностях с Ольгой он мог целую вечность. Елене не хотелось лишний раз одергивать Алексея, но и ждать, пока иссякнет его красноречие, тоже. За его спиной она помаячила недолго. Резко развернулась и направилась в сторону прихожей. В общем гомоне чеканка ее каблучков была не слышна, так что бог знает, когда Алексей обнаружит, что рядом ее нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.